

ТОЛСТОЙ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ
МИР

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

ЛИБРАРИОН
НАСЛЕДСТВО

ТОЛСТОЙ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ
МИР

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

В ДВУХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

И.И.АНИСИМОВ (ГЛАВ. РЕД.), Д.Д.БЛАГОЙ,
А.С.БУШМИН, В.В.ВИНОГРАДОВ, А.Н.ДУБОВИКОВ,
И.С.ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С.А.МАКАШИН,
К.Д.МУРАТОВА, Р.М.САМАРИН, Л.И.ТИМОФЕЕВ,
Н.А.ТРИФОНОВ, М.Б.ХРАПЧЕНКО, В.Р.ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО ~ ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОЛСТОЙ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · М О С К В А · 6 · 5

ТОЛСТОЙ В ПОЛЬШЕ

(1858 — 1962)

Обзор Базыля Бялкововича (Варшава) *

Распространение русской литературы в Польше происходило в совершенно иных исторических условиях, чем в других западнославянских и вообще зарубежных странах. Ответственность царского самодержавия за ликвидацию польского государства в конце XVIII в. и установленный царизмом режим жестокого национального угнетения польского народа вызывали настороженное и даже враждебное отношение ко всему русскому у значительной части польского общества. Длительное время в сознании многих поляков Россия отождествлялась с ненавистным самодержавием. Поэтому, — как писал польский историк литературы А. Брюкнер, — в Польше «можно было встретить хорошо образованных людей, которые даже и „Луизиаду“ Камозэнса читали, хотя бы в переводе и отрывках, но для которых имена Пушкина и Гоголя, Тургенева и Достоевского оставались пустым звуком»¹.

Все же с течением времени, особенно в связи с ростом польского революционного движения, в Польше возникает и развивается интерес к русской культуре, и в особенности к художественной литературе. Она привлекает польскую молодежь своими освободительными идеями и революционным воодушевлением, реализмом, глубиной мысли и широтой взглядов на исторический процесс.

Степень интереса и внимания к русской литературе в Польше не поддается определению путем библиографического учета польских переводов произведений русских писателей и польских критических статей о русской литературе. Значительная часть польской интеллигенции, особенно в Царстве Польском, той части Польши, которая входила в состав Российской империи, знала русский язык и имела возможность читать русских авторов в подлиннике.

Значение русской литературы для прогрессивных сил польского общества верно охарактеризовал выдающийся революционный публицист и ученый Л. Кшивицкий: «И когда мы достигнем эту силу книг, — писал он, — это богатство оригинальных выводов, беспощадное срывание масок с общественного лицемерия и прежде всего огромную прелесть и очарование мощных талантов пера и силу их энтузиазма, мы поймем, что каждый юноша, стремящийся к широким горизонтам, тяготеет к этому богатству мысли»². Такими книгами в русской литературе были в первую очередь книги автора «Войны и мира». Обобщая восприятие Толстого в Польше, известный

* Автор приносит глубокую благодарность за ценные указания профессору Вроцлавского университета Мариану Якубцу и известному краковскому литературоведу и библиографу Петру Гжегорчику. Рукопись статьи обсуждалась на заседании кафедры истории русской литературы Варшавского университета. В обсуждении приняли участие заведующий кафедрой профессор Самуэль Фишман, научные сотрудники Антони Семчук, Флериан Неуважны и другие товарищи по работе. Всем им автор также выражает свою признательность.

писатель нашего времени *Я. Ивашевич* имел основание заявить: «Наше отношение к Толстому — это отношение к отцу, к человеку, возбуждающему восхищение и уважение, это отношение к недостижимому образцу художественного мастерства...»³

Очевидно, что разработка темы «Толстой в Польше», изучение влияния, которое оказал Толстой на развитие польской литературы и на духовную жизнь польского общества, представляют большой интерес как для польского, так и для советского литературоведения. Однако специальных, монографического характера работ на эту тему все еще нет. Вопрос о влиянии Толстого на отдельных деятелей польской литературы ставился и ставится во многих исследованиях и статьях, но либо узко избирательно, либо слишком общо. Воздействие сочинений Толстого — художника и мыслителя — на польскую литературу отмечает на нескольких примерах *А. Брюкнер*. *М. Кридль* указывает, что творчество Толстого имело известное влияние на развитие польского романа. Немало интересных фактов о взаимоотношениях *Г. Сенкевича* и Толстого приводит в своих работах польский историк литературы *Ю. Кишижановский*. Он же отмечает некоторую близость *Э. Ожешко* к Толстому. Сопоставление Толстого и *С. Жеромского* мы находим в статьях польского поэта и критика *Г. Тимофеева*, чешского историка польской литературы *К. Крейчи*, а также в работах польских литературоведов *В. Борowy*, *Т. Грабовского*, *С. Адамчевского*, *К. Выки*, *Э. Жешовского* и *Г. Маркевича*. По мнению последнего, роман «Война и мир» был своего рода образцом для «Пепла» *Жеромского*. Зависимость этого романа от шедевра Толстого *Маркевич* усматривает в сходстве общих принципов построения этих произведений: роман-панорама, с отказом от убыстренного темпа и нарочитых осложнений в развитии действия в пользу многопланового эпического изображения жизни народа. Опыт же Толстого как автора «*Анны Карениной*» — романа-синтеза — был использован, по мнению *Маркевича*, *Б. Прусом* при работе над романом «*Кукла*»⁴.

Упомянутый выше *Т. Грабовский* отметил также влияние Толстого на некоторых польских критиков — главным образом, на *С. Виткевича*, *М. Здзеховского* и *С. Бжововского*. Для них, особенно для первых двух, как полагал *Грабовский*, большое значение имели толстовские моральные принципы, решительное осуждение им западноевропейского модернизма и подход к религии с точки зрения этики. Влияние Толстого на творчество *С. Виткевича* отмечается в монографии *К. Косиньского*, а также в истории новой польской литературы *К. Чаховского* и в статьях *Я. З. Якубовского*, который указывает, что большой интерес к «Воскресению» Толстого и к сатирам *М. Е. Салтыкова-Щедрина* проявлял польский писатель *А. Дыгасиньский*, как об этом свидетельствует его переписка с дочерью, *З. Волерт*. На связь творчества *В. Оркана* с Толстым обратил внимание в монографии, посвященной *Оркану*, *С. Пизонь*. Польский литератор *Т. Парницкий* называл «*Ночи и дни*» *М. Домбровской* детищем «*Войны и мира*» и «*Анны Карениной*»⁵.

Значение драматургического наследия Толстого в развитии мировой и польской драматургии отмечает *И. Славиньская*. Пьеса Толстого «*Власти тьмы*», как она указывает, сыграла большую роль в становлении новой польской трагедии. Влияние «*Власти тьмы*», по ее мнению, испытали *В. Оркан* («*Вина и наказание*», 1905) и *С. Высяньский* («*Судьба*», 1907). В общетеоретическом плане опыт Толстого-художника исследует в связи с анализом мастерства *М. Конопницкой* *А. Бродзкая* в монографии «*О повеллах Марии Конопницкой*». Воздействие Толстого на польскую литературу и общественную мысль в общих чертах рассматривает *З. Грень*⁶.

В работе *М. Якубца* «*Русская литература среди поляков в период позитивизма*» приведены и проанализированы некоторые высказывания польских писателей, литературоведов и журналистов о Толстом. Отношение

ТОЛСТОЙ И ВАНДА ЛАНДОВСКА

Фотография С. А. Толстой, 1907 (пересъемка, сделанная фотографией «Станислав» в Париже)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Б. Пруса к Толстому, а также восприятие Толстого польской критикой в 1899—1908 гг. рассматриваются в интересных исследованиях А. Семчука. Краткий обзор высказываний о Толстом польских писателей, литературных критиков и общественных деятелей дан в статьях Р. Герлеукой. Обширную работу о Толстом в польской литературной критике 1918—1939 гг. опубликовал Ф. Селицкий. Некоторые проблемы восприятия Толстого поляками прослежены в интересных и богатых фактическим материалом статьях и обзорах П. Гжегорчика⁷. В Государственном издательском институте (Państwowy Instytut Wydawniczy) в 1964 г. вышла из печати подготовленная им библиография переводов, критических статей и других материалов, относящихся к восприятию Толстого в Польше⁸.

В советском литературоведении интересующий нас вопрос получил частичную разработку в книге Т. Л. Мотылевой «О мировом значении Л. Н. Толстого». Здесь прослеживаются творческие связи с русским писателем таких мастеров польского критического реализма как Б. Прус, Э. Ожешко и С. Жеромский⁹.

Таким образом постепенно намечаются пути всестороннего и основательного изучения темы «Толстой в Польше»¹⁰.

Задачей настоящей работы является общий обзор истории распространения произведений Толстого в Польше и краткий анализ суждений польской критики о сочинениях великого русского писателя, о его жизни и мировоззрении. Проблемам, которые уже разработаны литературоведением, мы уделим меньше внимания, делая ссылки на соответствующие исследования.

Рассматривая историю восприятия творчества Толстого в Польше, мы для удобства обозрения выделяем в ней четыре периода, созная всю условность предлагаемого деления.

I. 1858—1894 гг. Длительный период, охватывающий время от первого упоминания имени Толстого в польской печати до того десятилетия в конце XIX в., которое ознаменовалось резким подъемом интереса к Толстому в Польше; подъем этот не выходил еще за рамки литературно-общественных кругов и в значительной мере отражал широкую популярность писателя во Франции.

II. 1895—1917 гг. У истоков этого периода, охватывающего время до конца первой мировой войны и Октябрьской революции находятся выступления Толстого по польскому вопросу. Письма Толстого к М. Здзеховскому 1895 и 1899 гг., проникнутые сочувствием к полякам и решительным осуждением антипольской политики царизма, привлекают к их автору внимание широких кругов польских читателей. Критические высказывания Толстого о социально-политических явлениях получают сильный отклик в Польше и независимо от собственно польской темы. Этот период польского восприятия Толстого связан как с фактами творческой и личной биографии писателя — появление «Воскресения» (1899), восьмидесятилетие (1908), уход из Ясной Поляны и смерть (1910), — так и с событиями в исторической жизни России и Польши, важнейшими из которых были революции 1905—1917 гг.

III. 1918—1939 гг. Это период распространения произведений Толстого в получившей государственную независимость буржуазно-помещичьей Польше. Важными моментами являются здесь юбилейные даты Толстого: столетие со дня его рождения (1928) и двадцатипятилетие со дня смерти (1935).

IV. 1945—1962 гг. С момента установления народно-демократической власти в Польше и окончания второй мировой войны начинается принципиально новый период распространения и изучения наследия Толстого в Польше. Рассмотрение этого периода, продолжающегося и поныне, доведено в настоящем обзоре до 1962 г. включительно.

Переходными этапами в названных периодах были 1914—1918 гг. — годы первой мировой войны и Октябрьской революции — и 1939—1945 гг. — годы второй мировой войны. Восприятие Толстого и вообще русской литературы в Польше в сильнейшей степени и непосредственно определяется в это время политическими симпатиями и антипатиями. Вместе с тем особое значение приобретает Толстой-гуманист. В труднейших испытаниях мировых катаклизмов могущество толстовского гуманизма, его любви к жизни помогало людям сохранять веру в человека и человеческое.

I. ПОД ЗНАКОМ ИЗВЕСТНОСТИ ВО ФРАНЦИИ

(1858 — 1894)

Первое упоминание в Польше о Толстом мы находим в анонимной статье «Современные русские литераторы», напечатанной в энциклопедическом справочнике «Księga Świata» (Варшава, 1858)¹¹. В основу этой статьи, как указывает редакция, были положены сведения, опубликованные в петербургском журнале В. Ф. Тимма «Русский художественный листок». Давая весьма положительную оценку «Детству», «Отрочеству» и «Севастопольским рас сказам», автор статьи предсказывал, что если Толстой целиком посвятит себя литературе, то из-под его пера, несомненно, выйдет много хороших сочинений.

В 1867 г. в двадцать пятом томе польской энциклопедии С. Оргельбранда, издававшейся в Варшаве, была помещена заметка о Толстом Я. Савинича¹², заимствовавшего основные данные из упомянутой выше статьи

«Современные русские литераторы». Савинич характеризует «Детство», «Отрочество», «Севастопольские рассказы», «Два гусара», «Метель» и «Записки маркера» как произведения, пользующиеся известностью.

В обзоре «Русская литература последнего времени», помещенном в 1870 г. в журнале «Wędrowiec» (без подписи), имя Толстого упоминается в одном ряду с такими писателями как С. Т. Аксаков, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Помяловский, Д. В. Григорович, И. И. Панаев¹³.

Знакомом русской литературы, в том числе и творчества Толстого, был польский писатель А. Ходзько-Борейко. Он унаследовал от А. Мицкевича кафедру славянских литератур в парижском Collège de France. Сотрудник «Северной пчелы» Ю. К. Арнольд в рецензии на русский перевод поэмы «Пана Тадеуша» Мицкевича вспоминал о своем посещении Collège de France в 1861 г.: «Лекция о славянских литературах прошла у нас в беседе о лучших русских писателях, о гг. Тургеневе, Майкове, Л. Толстом и Писемском»¹⁴.

В начале 1870-х годов на творчество Толстого обратил внимание А. Г. Киркор, известный польский ученый и литератор, писавший под псевдонимами Ян из Сливина и Собарри. Довольно хорошо зная русскую литературу в оригинале, Киркор выступал на страницах польской печати со статьями, посвященными литературной жизни России. В познанском еженедельном журнале «Tygodnik Wielkopolski» он напечатал в 1873 г. (№ 15—21) несколько обзоров русской литературы, которые потом вышли отдельным сборником¹⁵. В 1874 г. в Кракове была издана его большая книга, посвященная литературам братских славянских народов, в том числе, разумеется, и русской литературе¹⁶.

Из произведений Толстого Киркор в упомянутых работах первостепенное место отводит «Войне и миру» как самому великому творению русского писателя. Роман «Война и мир» представляет собой, как отмечает Киркор, почти психологический трактат; это верная историко-этнографическая картина, изображающая длительный период русской жизни. К определению основных проблем «Войны и мира» Киркор подошел, однако, несколько поверхностно. Он полагал, что Толстой старался в этом романе главным образом отразить две враждебных друг другу крайности: «с одной стороны, — силу, мужество, величие народа; с другой стороны, — бесхарактерность, беспринципность, пресмыкательство, раболепие и унижение перед властью»¹⁷.

Несмотря на подобное искусственное сужение проблематики «Войны и мира», работы Киркора имели для своего времени несомненное положительное значение и привлекли внимание польских читателей к роману Толстого.

Имя Толстого встречается и в корреспонденциях из Петербурга и Москвы, публиковавшихся в 1870-х годах в польских газетах и журналах. Так например, в заметках, присланных из Петербурга, Э. Бороковский сообщал о новом произведении писателя, «Анне Карениной», и об острой литературно-общественной борьбе, которая развернулась в России вокруг этого романа¹⁸.

К 1870-м годам относятся и первые переводы произведений Толстого на польский язык. Вначале они печатались преимущественно в официальной правительственной газете «Dziennik Warszawski». В 1876 г. в этой газете были опубликованы польские переводы из «Войны и мира» и рассказов «Три смерти», «Рубка леса» и «Севастополь в декабре месяце». В следующем, 1877 г., «Dziennik Warszawski» поместил (полностью и в отрывках) переводы «Севастополя в мае», «Севастополя в августе 1855 года», «Утра помещика», «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люперн», «Семейного счастья» и «Казаков», а в 1878 г. фрагменты из «Анны Карениной».

Однако официально-правительственное направление газеты не позволило ей стать трибуной для пропаганды творчества Толстого среди широких кругов польских читателей. Именно потому перечисленные выше переводы не привлекли общего внимания¹⁹.

Существенное значение для популяризации Толстого в Польше имел тот факт, что его творчество с 1880-х годов начало приобретать все большую и большую известность в западноевропейских странах, особенно во Франции, с которой Польша была тесно связана в области своих культурных интересов. Осенью 1884 г. знаменитый писатель *Ю. И. Крашевский*, находясь в Магдебургской тюрьме, впервые прочитал «Войну и мир», во французском переводе. Крашевский поспешил поделиться своими впечатлениями от романа Толстого в печати и выступил с весьма интересной статьей в варшавском еженедельном журнале «*Tygodnik Pustrowany*»²⁰. Отмечая признание, которое получил в Париже роман «Война и мир», Крашевский указывал, что это произведение имеет все права на первостепенное место в мировой литературе. Особенно высоко оценил Крашевский глубокую жизненную правду романа, разнообразие и неповторимую оригинальность действующих лиц, отличное знание автором русского национального характера. Отрицательную оценку у рецензента вызвал лишь исторический фатализм Толстого. Но этот недостаток, по его мнению, не мог снизить выдающихся достоинств романа, который войдет в литературу как исторический памятник. Крашевский заключал свою статью утверждением, что «Война и мир» представляет собой «необыкновенное художественное явление».

О необычайном успехе «Войны и мира» в Париже и о появившихся в печати восторженных откликах на этот роман М. де Вогюз сообщил в 1885 г. в корреспонденции, напечатанной в журнале «*Niwa*», историк *К. Валишевский*²¹. Толстой, по его словам, в парижских литературных кругах ставится бесконечно выше, чем многие выдающиеся французские писатели.

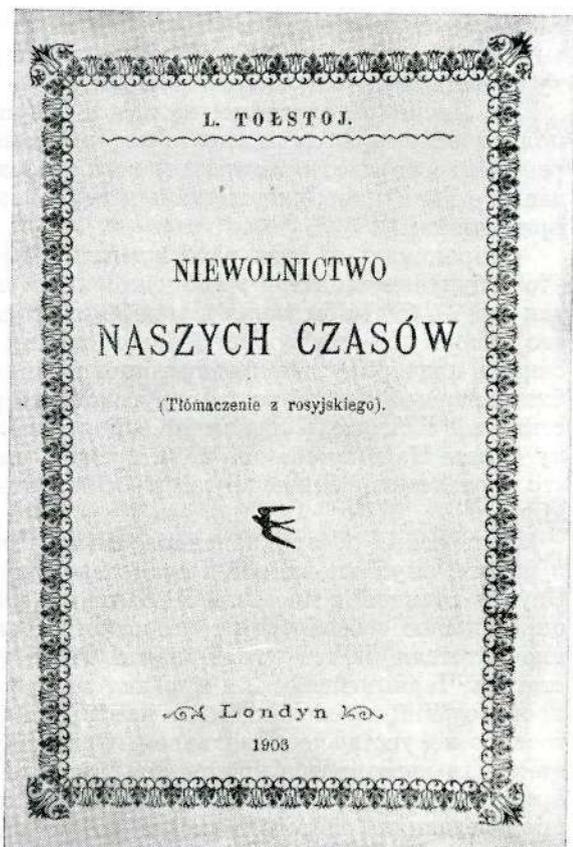
Выступления Крашевского и Валишевского положили начало новому этапу восприятия Толстого в Польше. В дальнейшем, т. е. примерно до середины 1890-х годов, интерес польской общественности к Толстому складывается под сильным влиянием западноевропейской и, главным образом, французской критики. Польская интеллигенция внимательно прислушивалась к мнению западных критиков, и поэтому второй этап восприятия Толстого в Польше (после 1883 г.) в значительной мере связан с западноевропейской оценкой творчества писателя, в особенности с известными статьями М. де Вогюз о русской литературе. Статьи эти печатались в 1883—1886 гг. в «*Revue des Deux Mondes*» и были собраны в 1886 г. в книгу «*Le Roman Russe*» — книгу знаменовавшую, как известно, поворотный момент в проникновении русской литературы на Запад.

Кроме работ де Вогюз, в Польше читались, по свидетельству польских литературно-общественных журналов, статьи и работы *Э. Геннекена*, *П. Бурже*, *П. Дежардена*, *Ш. Вагнера*, а также французского критика и переводчика польского происхождения *Т. де Визега* (*Выжеского*), а из немецких авторов — главным образом, работы *Р. Лёвенфельда* и *Э. Цабелля*²². Некоторые из трудов западноевропейских литературоведов — например, очерки и исследования датского критика *Г. Брандеса*, переводились на польский язык. Сам он в 1885 и 1886 гг. дважды посетил Варшаву, выступал там с докладами на литературные темы и лично познакомился с многими польскими литераторами. Влияние западной критики на польскую во взгляде на Толстого не подлежит сомнению, и этот факт необходимо учитывать при изучении польской критической литературы.

Разумеется, определенное влияние оказывали в Польше также работы русских авторов и та литературно-общественно-политическая борьба, кото-

«РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ».
ИЗДАНИЕ НА ПОЛЬСКОМ
ЯЗЫКЕ (ЛОНДОН, 1903)

Титульный лист

рая развернулась в России вокруг Толстого. Поляки, жившие на территории Российской империи, сравнительно хорошо знали русский язык и могли знакомиться в подлинниках как с произведениями Толстого, так и с русской критической литературой о нем. Что же касается польской интеллигенции, жившей на землях, входивших в состав Пруссии и Австро-Венгрии, то с творчеством Толстого она знакомилась, главным образом, по немецким и французским переводам. Даже автор первого обширного обзора о Толстом А. Лисицкая читала «Войну и мир» во французском переводе. Она сотрудничала в краковском консервативном журнале «Przegląd Polski» и в 1880-х годах написала для этого издания цикл литературно-критических статей на тему «Современные русские писатели». Одна из этих статей была посвящена Толстому²³. Лисицкая изложила биографию писателя (довольно неточно) и подвергла разбору важнейшие его произведения (опираясь преимущественно не на собственные критические суждения, а на чужие мнения, в частности на мнения де Воюэ, притом нередко упрощая и даже искажая их).

Большое внимание Лисицкая уделила «Войне и миру», отмечая исключительное художественное и историческое значение этого романа. Приводя слова Флобера, сравнивавшего «Войну и мир» с произведениями Шекспира, критик признавал, что при чтении этой книги наталкиваешься на такие фрагменты, где «образ Шекспира невольно встает перед глазами».

Развернутую характеристику дала Лисицкая «Анне Карениной», которую считала лучшим романом Толстого, «общественной биографией высших

слоев русского общества». Подробно излагая содержание романа, она указывала читателю на особенно сильные, по ее мнению, и самые удачные в художественном отношении эпизоды.

Но Лисицкой оказались чужды и непонятны важнейшие общественно-политические проблемы эпохи, которые нашли свое отражение в «Анне Карениной» и определили характер всей образной системы романа. Ее рассуждения о нигилизме, скептицизме и религиозных взглядах Толстого крайне примитивны.

Отправляясь от этих рассуждений, Лисицкая пришла даже к выводу, что в будущем Толстой как писатель ничего интересного уже не создаст, так как он будто бы «впал в такой мистицизм, который способен привести его лишь в дом для душевнобольных». Как и в других своих статьях, Лисицкая подчеркнуто-тенденциозно противопоставляла Россию Западу и была враждебна демократизму русской литературы. Для нее Запад — единственный создатель «подлинно европейской культуры», и высокую оценку «Анны Карениной» она дала прежде всего потому, что, по ее мнению, это произведение ближе других русских сочинений примыкает к «западному миру».

Интересный обзор жизненного и творческого пути Толстого представил в работе, опубликованной в краковском журнале «Świat» Г. Глиньский²⁴. Изучив сочинения писателя в подлиннике, он довольно близко подошел к определению своеобразия толстовского реализма. Критик обратил внимание читателя на те черты таланта Толстого, которые были раскрыты в статьях Чернышевского, и выразил восхищение глубиной содержания его произведений и совершенством их формы. Особенно подчеркивал он толстовское искусство психологического анализа. Мастерство Толстого-художника, его новаторство проявились, прежде всего, в умения писателя изображать процесс внутренней жизни человека. Благодаря этой особенности, произведения Толстого никогда не устареют. Они останутся не только великолепной картиной современности, но и будут жить века как превосходные «психологические исследования».

В «Войне и мире» критик видит неисчерпаемый источник для изучения национальной жизни России. «Многие научные описания, изобилующие датами, числами и названиями, — пишет он, — не расскажут обо всем так ясно, убедительно и красноречиво, а, может быть, даже и не научат столько, сколько художественные картины, созданные Толстым. Если бы мы захотели исследовать эпоху 1800—1815 гг., из превосходного романа „Война и мир“ мы узнали бы больше, чем из работ специалистов-историков».

Толстой, по мнению критика, это истинно русский писатель, обладающий всеми национальными особенностями и в то же время это писатель в высшей степени европейский.

Чрезвычайно высоко оценивает Глиньский «Власть тьмы», называя это произведение прекрасным, хотя и чрезвычайно мрачным по содержанию.

Искренность писателя, его стремление и умение говорить правду, только правду, вызывает у критика восхищение. Глиньский особенно подчеркивает, что Толстой пишет только тогда, когда чувствует в этом необходимость, и притом пишет так, как велят ему совесть и сердце.

Глиньскому не удалось истолковать важнейшие проблемы мировоззрения и творчества писателя во всей их сложной противоречивости и осмыслить их исторически. Статьи Глиньского несут на себе явственный отпечаток увлечения их автора толстовским учением о непротивлении злу насилем. Критик стремится возвысить Толстого-проповедника. Несмотря на эту односторонность, статьи Глиньского сыграли положительную роль для Польши, особенно для той ее части, которая не входила в Российскую импе-

рию. Восторженные оценки творчества Толстого, глубокая симпатия к личности писателя, характерные для статей Глиньского, увлекали читателей и таким образом содействовали распространению сочинений Толстого в Польше.

Значение народных рассказов Толстого и его статей и трактатов на общественно-политические, философские и религиозно-нравственные темы подчеркнул А. Шиманьский²⁵. Важное место в творчестве Толстого, как он указывал, занимает пьеса «Власть тьмы», содержание которой Шиманьский изложил подробно.

Религиозные и философские взгляды Толстого заинтересовали и некоторых католических критиков и публицистов. Статьи о нем появились в краковском журнале «Przegląd Powszechny», варшавском «Przegląd Katolicki» и львовской газете «Gazeta Kościelna». Авторы этих статей — Я. Бадени, М. Моравский, М. Новодворский, Я. Урбан, Я. Павельский, Е. Мошиньский, А. Пехник и другие — рассматривали творчество и мировоззрение Толстого с реакционно-охранительных позиций католической церкви²⁶.

Наиболее неприятны высказывания о Толстом клерикального критика Я. Бадени в его обзоре «Главные направления в развитии русского романа», написанном в связи с появлением книги де Воюэ и статей иезуита П. Пирлинга о русской литературе (в «Bibliographie Catholique»). Автор вслед за Воюэ называл Толстого «отцом русского нигилизма» и утверждал, что в его творчестве преобладают скептические настроения, которые привели писателя к мистицизму. В трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность» он видел «скучный дневничок», а в повести «Казак» и в рассказе «Три смерти» усматривал пантеизм и пессимизм. «Нирвана», по мнению Бадени, являлась идеалом Болконского и Безухова. Любовную интригу в «Анне Карениной» он считал банальной. Реалистическое изображение действительности Толстым, по мнению критика, оставляет «неприятный осадок на нёбе, даже если оно не привыкло к тонким ощущениям»²⁷.

Забегая вперед, следует сказать, что католические авторы посвятили несколько статей роману «Воскресение». Е. Мошиньский, полемизируя с литературоведом В. Гостомским, доказывал, что «Воскресение» не имеет ничего общего с христианскими догматами и доктринами. Этому, верному по существу, положению автор придает реакционно-католическую окраску. Особенно восстает он против толстовских обличений частной собственности, церкви, суда и всего существующего государственного и общественного строя. Цитируя соответствующие места из Евангелия, Мошиньский указывает, что право частной собственности и повиновение государственной власти всегда признавалось церковью. Стремление к независимости Польши и национально-освободительную борьбу польского народа Мошиньский резко осуждал. Именно поэтому не вызывали у него симпатии эпизоды «Воскресения», проникнутые теплым чувством к полякам. «Спрашиваю я и господина графа Толстого, спрашиваю и господина Валерия Гостомского, — восклицает Мошиньский, — какое же это место в Евангелии уполномочивает поляка или черкеса поднимать вооруженное восстание против властвующего над ними монарха в целях завоевания независимости своей родины?»²⁸

Со статьей «Два Воскресения (Толстой и Ибсен)» выступил Я. Павельский²⁹. Неприятие и критика современного общества, а также поиски новых оснований для жизни, по мнению Павельского, объединяют обоих писателей, хотя конечные выводы, к которым они пришли в своих поисках, совершенно различны. Толстовство Павельский относит к общественно-вредным доктринам. В «Воскресении» он видит чрезмерную тенденциозность, хотя и высоко ценит художественное мастерство этого произведения, особенно подчеркивая глубокое знание жизни и тонкое проникновение автора в сложную душевную жизнь своих героев. Однако груз реакционно-

католических воззрений помешал критику дать правильную оценку как «Воскресения», так и других произведений Толстого.

В общем же реакционное католическое духовенство, наиболее ярким выразителем которого был упомянутый нами критик Бадени, всячески стремилось отгородить польское общество от революционизирующего и облагораживающего воздействия русской литературы, в частности от творчества Толстого. Некоторые возмущались тем, что русская литература пользуется большой известностью во многих странах Запада. Обозреватель журнала «Przegląd Powszechny» выражал сожаление, что замечательное перо де Вогюэ «пошло в солдаты, посвятив себя почти исключительно ознакомлению Европы с русской литературой»³⁰.

Как «Przegląd Powszechny», так и «Przegląd Katolicki» и другие католические издания предостерегали польского читателя от знакомства с русской литературой, уверяя, что она разлагающе действует на молодежь, развращает ее вкусы, разрушает основы религиозного мировоззрения, сеет пессимизм и нигилизм. Тот же Бадени, после краткого и тенденциозного рассмотрения творчества Гоголя, Достоевского, Тургенева и Толстого, писал о них: «Им всем чего-то недостает. В каждом из них словно сидит какой-то более или менее видимый зародыш умственной болезни. Гоголь и Толстой кончают нездоровым мистицизмом, Достоевский никогда не может освободиться от угнетающей его черной меланхолии, Тургенев с наслаждением всматривается в бездонную пропасть нигилизма. Все они, несомненно, искали правду и, казалось бы, делали это искренне, но, к сожалению, не знали, где ее искать, и никто им этого не подсказал. Долгое время вели они своих читателей в четырех разных направлениях. Но, наконец, эти четыре пути сошлись у края пропасти, на дне которой виднелся индийский пессимизм, скрытый в одеждах мистицизма и нигилизма». «Это явление ужасно, но одновременно и поучительно,— заключает Бадени,— ибо оно свидетельствует о том, за какие научные принципы вынуждены хвататься люди, хоть раз отвернувшись от Христа»³¹.

Таким образом, католические критики стремились дискредитировать русскую литературу в глазах читателя, напугать его безверием русских писателей, их будто бы опустошающей нигилистической философией. Реакционно-клерикальные круги стремились воздвигнуть китайскую стену между русской литературой и широкими кругами польских читателей. Однако эти попытки потерпели полное крушение. Даже внутри самого католического движения вскоре возникла борьба вокруг Толстого. Его этическая проблематика стала вызывать интерес и в католических кругах Польши. Об этом особенно свидетельствует деятельность М. Здзеховского, о которой мы скажем несколько ниже.

В 1884—1894 гг. количество переводов сочинений Толстого на польский язык продолжало медленно расти.

В 1885 г. в польском журнале «Крај» (№ 18 и 19), издававшемся в Петербурге, появился перевод рассказа «Альберт», в 1886 г. в журнале «Nowa Reforma» (№ 222—224, Краков) был помещен рассказ «Три смерти». Краковский журнал «Świat» в 1888 г. напечатал рассказ «Свечка» в переводе Генрика Глиньского (t. I). В 1890 г. в приложении к варшавскому журналу «Tygodnik Pustrowany» вышел довольно точный перевод «Смерти Ивана Ильича». Это было первое отдельное издание произведения Толстого на польском языке. Ряд рассказов Толстого напечатала в том же году львовская газета «Dziennik Polski». В 1894 г. львовские издатели в Грудке Чаинский, Губринович и Шмит издали (в слабом переводе с французского) «Войну и мир» в девяти томах.

Как видим, польский читатель до середины 1890-х годов еще не имел, в сущности, возможности читать Толстого на своем родном языке.

II. ОТ КОНЦА XIX ВЕКА ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
 В РУСЛЕ ПОЛЬСКИХ ВОПРОСОВ
 (1895 — 1917)

Толчком, который содействовал новому и значительному росту известности Толстого в Польше, явилось его письмо Мариану Эдзеховскому от 10 сентября 1895 г. (ответ на обращение к нему Эдзеховского). Оно было опубликовано в польском переводе в краковской газете «Czas» (1895, № 297) и перепечатано многими польскими газетами и журналами³². На русском же языке оно впервые появилось в 1896 г. в Лейпциге как предисловие к брошюре Эдзеховского, изданной под псевдонимом Урсин³³.

Письмо Толстого привлекло внимание польских читателей глубоким сочувствием автора к угнетенному польскому народу, но вместе с тем оно удивило и огорчило их осуждением польской национально-освободительной борьбы. Толстой заявлял в этом письме: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков; поспорю и в желании противодействовать этим мерам...» (т. 68, стр. 167). И в то же время, исходя из полного и безусловного отрицания государства, Толстой призывал поляков видеть свой «идеал» не в патриотизме, «не в восстановлении Польши», а «в уничтожении» «насильнических, антихристианских соединений, называемых государствами и стоящих на пути всякого истинного прогресса и порождающих страдания угнетенных и покоренных народов...». Но «уничтожение» это Толстой считал возможным не путем насилия, а «только истинным просвещением: признанием того, что мы прежде, чем русские, поляки, немцы, — люди,

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ
 ИДЕАЛЫ

ПОЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА

ОЧЕРКЪ

М. УРСИНА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО.

ЛЕЙПЦИГЪ:

А. А. КАСПРОВИЧЪ.

1896.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМА
 ТОЛСТОГО МАРИАНУ ЭДЗЕХОВСКОМУ
 УРСИНУ) НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Письмо помещено в качестве предисловия к брошюре М. Эдзеховского (М. Урсина) «Религиозно-политические идеалы польского общества». Лейпциг, 1896

Титульный лист

ученики одного учителя, сыны одного отца, братья между собою» (там же, стр. 169—170).

Польские газеты и журналы высказали свое несогласие с Толстым по поводу осуждения им патриотизма и активных форм национально-освободительной борьбы. Однако резкое и беспощадное обличение Толстым русификаторской политики царизма и горячее слово сочувствия угнетенному народу были восторженно встречены польской печатью. Так, например, львовская газета «*Słowo Polskie*» подчеркивала, что, «более чем когда-либо, великий писатель и мыслитель явился достойным нашего внимания и симпатии сейчас, когда он поднял свой влиятельный голос против преследователей Польши...» В заключение редакция заявляла: «Именно потому, что Толстой с таким благородством вступился за Польшу и с такой откровенностью бросил в лицо своим соотечественникам горькую правду, мы навсегда сохраним к нему искреннюю благодарность»³⁴. Краковская газета «*Czas*» писала: «Впервые знаменитый русский писатель, глубокий и самостоятельный мыслитель в области философии и религии, нашел благоприятный случай высказать свое мнение по польскому вопросу. В его суждении — как и можно было полагать на основании литературного прошлого этого писателя — нашли выражение самые глубокие и благородные чувства великой и благородной души. В нем как бы отозвался голос совести русского народа, заглушаемый криками всеобщей ненависти и национального шовинизма последних десятилетий. На протяжении многих лет — насколько мы можем припомнить — это первый русский, который так решительно и с такой силой осуждает отношение своего правительства к полякам и его бесчестную русификаторскую политику. Все, кто знает, каким необыкновенным уважением пользуется автор у всего русского народа и как он известен во всем цивилизованном мире, тот по-настоящему поймет, какое моральное значение имеет этот осуждающий голос»³⁵.

Выступление Толстого не замедлило привлечь к себе внимание реакционной русской печати. Отклик ее, естественно, был проникнут враждебностью. Варшавский корреспондент «Московских ведомостей», сообщая о том, что польская печать горячо откликнулась на выступление Толстого по польскому вопросу, обрушился на писателя: «И ведь не мог же не знать почтенный Лев Николаевич, какой фурор среди поляков произведет его письмо, конец которого я перевожу с невыразимым чувством боли, досады, стыда за русское имя, попираемое так легковерно одним из замечательнейших сынов моего отчества»³⁶.

С еще более резкими нападками на Толстого выступил редакционный обозреватель «Русского вестника» в статье «Граф Л. Толстой в роли полонофила», в которой приводились также выдержки письма Толстого к Здзеховскому в тенденциозном и извращенном переводе с польского языка³⁷.

Опубликование письма к Здзеховскому и полемика, возникшая вокруг этого выступления, содействовали, как уже сказано выше, дальнейшему и весьма энергичному росту популярности Толстого в Польше.

С 1895 г. начинается систематическая публикация польских переводов художественных произведений Толстого. Выходят в свет его народные и детские рассказы, публицистические статьи, религиозно-нравственные сочинения, эстетические трактаты. В самых различных изданиях помещаются отдельные его высказывания и письма. Переиздаются ранее появившиеся в Польше повести, романы, рассказы и статьи. Перечислить все переводы сочинений Толстого за период с 1895 по 1914 г. нет возможности. Укажем главные.

Отдельным изданием, в качестве приложения к варшавской газете «*Słowo*» за 1895 г., появляется рассказ «Хозяин и работник» в переводе Е. Жмиевской.

В 1898—1900 гг. в Кракове выходит в свет трехтомное издание «Анны Карениной» в переводе Я. Воловского. Этот перевод несколько раз переиздавался, хотя он не совсем удачен: в некоторых местах переводчик значительно отступил от подлинника; в переводе сделаны существенные купюры.

В 1899 г. в Варшаве отдельным изданием вышло «Семейное счастье». Большим событием в литературно-общественной жизни Польши явился перевод «Воскресения». Отрывки из этого романа в 1899 г. печатались в журнале «Кгај», а также в других газетах и журналах. В 1900 г. почти одновременно издаются три разных перевода «Воскресения»: два в Варшаве и один во Львове.

Эстетический трактат «Что такое искусство?» появился в 1898 г. в отрывках, переведенных Антони Потоцким (журнал «Zycie», 1898, № 35—37), а в 1901 г. был издан полностью в переводе Адольфа Якуба Кона.

С большим интересом встретили польские читатели «Крейцерову сонату». Первое ее издание появилось во Львове в 1900 г. в довольно небрежном переводе З. Помяна. В следующем, 1901 г., «Крейцера соната», а также «Послесловие к „Крейцеровой сонате“» и несколько других статей в переводе и с предисловием К. Даниловича-Стшельбицкого были изданы в Варшаве. Третье издание «Крейцеровой сонаты» появилось в 1908 г. во Львове. В 1907 г. варшавское издательство Г. Оберфельда выпустило в свет перевод «Исповеди». Целую волну переводов, по свидетельству П. Гжегорчика, вызвали народные и детские «дидактические» рассказы писателя.

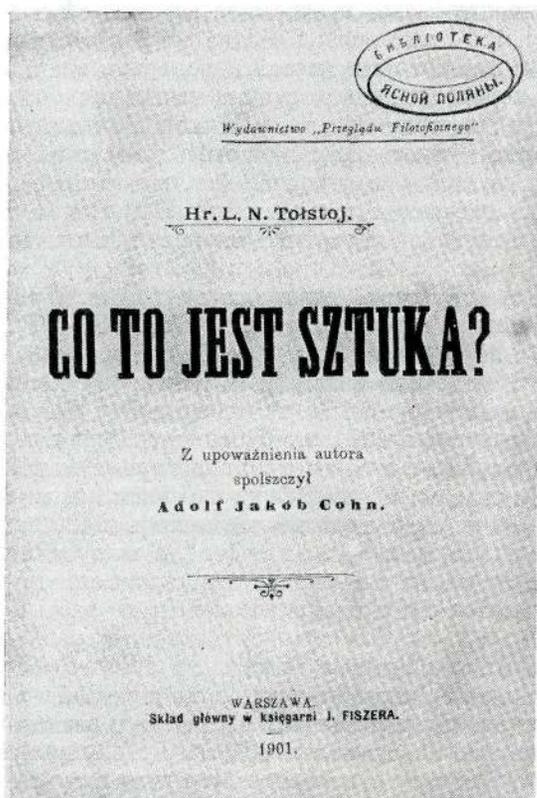
Варшавский прогрессивный журнал «Ognіwo» поместил в 1903 г. рассказ «Холстомер» в хорошем переводе Г. Даниловского, верно передавшего дух подлинника. В 1909 г. в Кракове появляется «Разрушение и восстановление ада» в переводе А. Куропатвиньского. В 1910 г. Л. Фроммер издает в Кракове же «Детство» в хорошем переводе Я. Киндельского, а во Львове в 1911 г. выходит из печати рассказ «Набег» (в переводе Ф. Шукевича).

Большое впечатление на польского читателя производили публицистические статьи и письма Толстого: «Царю и его помощникам», «Ответ на определение Синода...», «Николай Палкин», «Рабство нашего времени», «Одумайтесь!», «К политическим деятелям», «Великий грех» и др. Названные произведения издавались на польском языке не только в Польше.

Большую роль в пропаганде и распространении запрещенных в России антиправительственных сочинений Толстого сыграли эмиграционные издательства польских социалистических организаций в Лондоне и Париже. Росту популярности Толстого среди широких кругов польских читателей содействовал также рассказ писателя из времен польского восстания 1830—31 гг. «За что?», написанный в 1906 г. Польская общественность восприняла это произведение с глубокой благодарностью³⁸.

В 1908 г. Толстой пишет «Не могу молчать». Этот манифест вызвал большой интерес в Польше. Сразу же появилось несколько его переводов. «За что?» и «Не могу молчать» переводил также известный революционный деятель Ф. Кон. Интересно отметить, что польский художник Я. Стыка создал картину «Толстой, пишущий свой манифест», которая изображает писателя, окруженного призраками повешенных, расстрелянных и истязаемых, а также томящихся в тюрьмах людей. Снимок этой картины Стыка переслал Толстому (см. воспроизведение картины на стр. 99 кн. 1-й настоящ. тома).

Сочинения Толстого пользовались большим успехом не только среди интеллигенции, но и у части грамотных рабочих и крестьян. Некоторые из его произведений переведены были даже на диалекты польского языка. Так, например, даровитый и оригинальный художник, писатель и критик

«ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?» ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ В ПЕРЕВОДЕ АДЛЬФА КОНА. КНИГА ПОСЛАНАЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ ТОЛСТОМУ (ВАРШАВА, 1901)

Титульный лист

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

С. Виткевич, прекрасно владевший модным тогда диалектом польских горцев, перевел на него рассказ Толстого «Чем люди живы»³⁹.

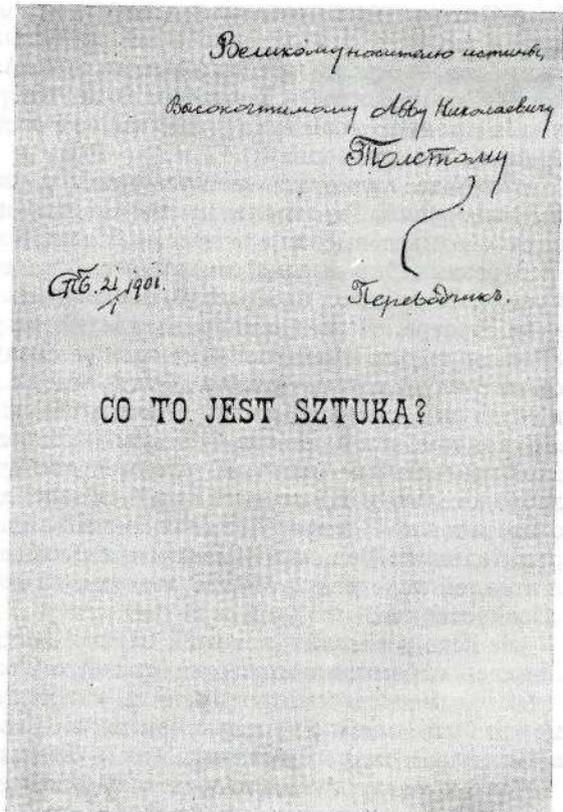
О том, что Толстой был известен некоторым польским крестьянам, можно судить по следующему эпизоду, рассказанному *К. Савичем* в радикальном крестьянском еженедельнике «*Zaganie*». Во время посещения больного крестьянина какой-то ксендз заявил, что читать Толстого и некоторых других авторов — грех, за который виновные будут лишены исповеди и отпущения грехов. В ответ на это один из крестьян заявил: «Что ж делать? Быть может, несколько лет придется остаться без исповеди, но читать я не перестану. Как же без чтения узнать, где правда, а где ложь? Зачем учить детей чтению, если потом запрещают читать?»⁴⁰

Об авторитете и популярности Толстого среди различных слоев населения свидетельствуют также сохранившиеся в его архиве письма к нему от польских крестьян, рабочих, ремесленников и служащих⁴¹. В частности, много писем Толстой получил от поляков по поводу преследования польского языка и культуры в Пруссии, а также по поводу закона о принудительном отчуждении польских земель, запрещении полякам покупать землю, строить дома и всякого рода хозяйственные постройки (1906). В своих письмах поляки из разных стран мира просили Толстого поднять голос в защиту польского народа. Большое впечатление на писателя произвело письмо Г. Сенкевича от 16 декабря 1907 г., в котором он обратился к крупнейшим деятелям мировой культуры, в том числе к Толстому, с просьбой высказать свое мнение об антипольских мероприятиях Пруссии. Обращение Сенкевича должно было напомнить миру о трагическом положении поляков, преследуемых немецкими властями, и оказать моральное давление на германское правительство.

Воззвание Сенкевича вызвало горячий отклик мирового общественного мнения. В ответ он получил свыше двухсот пятидесяти писем от литераторов, ученых, артистов и общественно-политических деятелей, среди которых были М. Горький и В. Г. Короленко, М. Метерлинк и Б. Шоу, А. Жид и Г. Уэллс. Откликнулся и Толстой. В письме к Сенкевичу он выразил искреннее сочувствие бедственному положению поляков⁴². Он клеймил позором антипольскую политику «государства грабителей» и всех тех, кто чувствует себя с ним солидарными. Но вместе с тем, исходя из своих этико-религиозных взглядов, он заявил по поводу приготовлений прусского правительства к ограблению польских крестьян, что «и в этом деле» ему «больше жалко тех людей, которые устраивают это ограбление (<...>), чем тех, кого ограбят» (т. 77, стр. 273).

Еще ярче своеобразие и противоречивость позиции Толстого в польском вопросе (как и в любом другом национальном вопросе) сказались в его известном «Ответе польской женщине» (т. 38, стр. 150—156).

В этом открытом письме, обращенном к С. Ляудын⁴³, Толстой вновь изложил свою мысль о том, что «только непротивление злу насилем может спасти поработанных от порабощения». Отправляясь от этого убеждения, Толстой вновь советовал полякам не участвовать ни в попытках силою освободиться от русского и австрийского правительств, ни в «насилии над собой», т. е. советовал не платить податей и налогов, не поступать на государственную службу, не служить «ни тюремщиком, ни полицейским, ни палачом, ни солдатом». Эта проповедь непротивления, как всегда у Толстого, сочеталась и с гневным осуждением им всех жестокостей и несправедли-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
АДОЛЬФА КОНА НА ПОЛЬСКОМ
ИЗДАНИИ ТРАКТАТА
«ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВО?»
(ВАРШАВА, 1901):

«Великому носителю истины, высокопочтительному Льву Николаевичу Толстому. Переводчик. СПб. 21/1—1901».

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

востей, которые совершались над Польшей, и с глубоким сочувствием его к поработанному народу. Следует заметить, что весь этот противоречивый комплекс мотивов, определявших отношение Толстого к польскому вопросу, присутствует и в художественных произведениях писателя последнего периода. Касаясь в них некоторых конкретных фактов из жизни Польши, Толстой не только глубоко сочувствует ее угнетенному народу, но и фактически оправдывает польских «бунтовщиков» — деятелей национально-освободительного движения⁴⁴.

Большую роль в популярности Толстого среди поляков сыграл театр. 17 декабря 1898 г. в Познани (впервые на польской сцене) была осуществлена постановка «Плодов просвещения». Эту комедию перевел и поставил на сцене актер М. Пшибылович, который сам выступал в роли Звездынцева. В 1900 г. в Кракове и во Львове, а в 1905 г. в Познани была поставлена «Власть тьмы» в переводе и постановке того же Пшибыловича. «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» были напечатаны⁴⁵ в переводе Стадника во львовской серии «Biblioteka Powszechna» (в 1901 и 1903 гг.).

Огромный интерес читателей и театральной общественности вызвала драма «Живой труп»⁴⁶. Эта пьеса на протяжении 1911—1912 гг. появилась в пяти разных переводах. Два из них были сделаны специально для театра: К. Раковского для Краковского театра (преьера 16 декабря 1911 г.) и Б. Бопре для постановки во Львове (преьера 20 декабря 1911 г.). Три перевода были напечатаны в виде отдельных книжек: два в Варшаве и один во Львове.

Необходимо также отметить, что в театрах пользовались большим успехом инсценировки «Анны Карениной» и «Воскресения». Последнее произведение в сценической переделке А. Батайля обошло театральные сцены Кракова, Львова, Познани, Варшавы и Вильнюса.

В театральных постановках пьес Толстого принимали участие выдающиеся актеры: Л. Сольский и Ю. Хмелинский в роли Никиты, Г. Запольская — в роли Анисьи («Власть тьмы»), К. Адвентович в роли Нехлюдова («Воскресение») и Протасова («Живой труп»), С. Высоцкая и Лаура Дунин в роли Катюши Масловой («Воскресение»), К. Беднажевская в роли Анны («Анна Каренина»).

Как это видно из цитированной выше библиографической работы П. Гжегорчика, театральные постановки произведений Толстого и переводы его пьес вызвали в прессе большое количество статей и рецензий.

Чрезвычайно высокого мнения о «Власти тьмы» был писатель Я. Каспрович. Он написал интересную рецензию на премьеру этой пьесы во Львовском театре. Проанализировав идейно-художественную проблематику «Власти тьмы», Каспрович пришел к следующему выводу: «Драму Толстого следует рассматривать прежде всего с психологической точки зрения, и тогда она утратит в наших глазах преходящий характер народной драмы и будет тем, чем является на самом деле: великой, замечательной, эсхилловской трагедией бессмертной человеческой души, которая поставлена между добротелью и преступлением»⁴⁶. Каспровичу принадлежит также отзыв о постановке «Воскресения» в сценической версии Батайля⁴⁷. Это отзыв отрицательный. По мнению Каспровича, инсценировка, сделанная Батайлем, и в малой мере не дает представления об идейно-художественной ценности «Воскресения».

Вообще в рассматриваемый период между 1895 и 1917 гг. в печати появилось огромное количество статей о Толстом — самых разнообразных и по предмету рассмотрения, и по направлению. Ни об одном русском, а, может быть, вообще иностранном писателе в этот период не было высказано в Польше столько суждений, как о Толстом.

Поток выступлений в печати вызвал трактат Толстого «Что такое искусство?»⁴⁸! (нападками на Толстого, а также на Б. Пруса и других

писателей критического реализма выступили представители модернистской группы литераторов «Молодая Польша» — *З. Пшесмыцкий* (псевдоним *Мириам*) и *С. Пшибышевский*⁴⁹.

В статье «Химерический взгляд на отношение общества к искусству», напечатанной в либеральном журнале «Prawda», известный польский революционер *Ю. Мархлевский*⁵⁰ подверг критике взгляды Пшесмыцкого на литературу. В основе искусства, указывал Мархлевский, должен лежать анализ общественных явлений. Художник должен быть реалистом. Мархлевский чрезвычайно высоко оценивал творчество Толстого, считая, что создатель «Анны Карениной» и «Воскресения» будет жить вечно в человеческой памяти. Правда, со многими эстетическими воззрениями Толстого Мархлевский согласиться не мог. Однако как художник Толстой для Мархлевского всегда оставался гениальным, непревзойденным мастером.

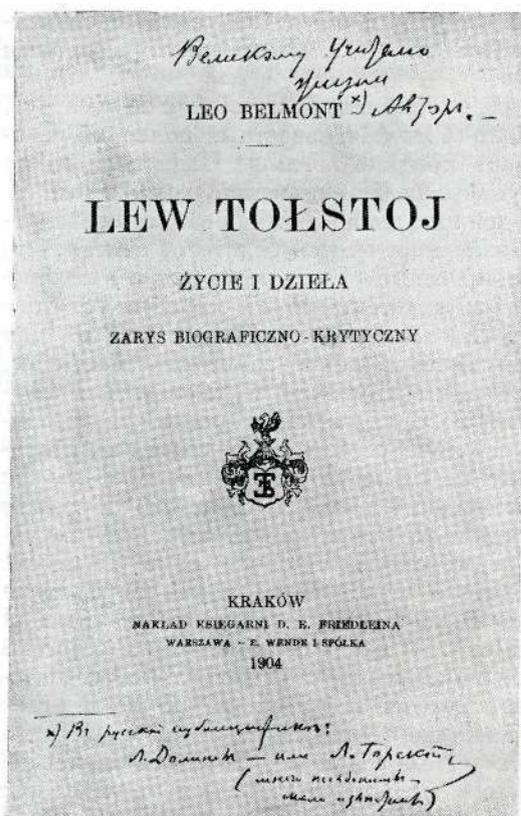
Много места уделял Толстому в своих лекциях, докладах, статьях и обзорах *М. Здзеховский*⁵¹, о котором мы говорили выше. Являясь представителем так называемого «католического модернизма», он подходил к литературным явлениям с морально-дидактической позиции. Именно поэтому он стремился втиснуть религиозно-этические взгляды Толстого в рамки католической доктрины. Здзеховский искал синтеза католицизма с «лучшими стремлениями века», к которым относил также учение Толстого. Во взглядах Здзеховского на Толстого чувствуется явная переключка с группой французских литераторов и философов-моралистов, издававших журнал «Union pour l'Action Morale»⁵². И когда социолог *Л. Винярский* обрушился на Толстого, видя в его морализаторской деятельности «патологический» характер и решительно осудив его влияние во Франции⁵³, Здзеховский поспешил выступить с защитой автора «Исповеди» и «Царства божьего внутри вас»⁵⁴. Здзеховский пытался найти у Толстого элементы, роднящие его и с католицизмом, и с Герценом, и с В. Соловьевым, и с польскими мистиками и особенно с философией А. Тoviaнского.

Одну из своих работ Здзеховский посвятил «Воскресению»⁵⁵. Но и проблематику этого величайшего социального романа он рассматривал исключительно с точки зрения религиозно-нравственных задач. Отрицание в этом романе всего государственного и общественного строя царской России критик выводил из толстовской «нравственной религии» и Евангелия. Таким образом Здзеховский стремился представить учение Толстого как наиболее ценную часть его наследия и хотел популяризировать это учение в интересах движения «католического модернизма», которое он представлял.

Более объективны и широки характеристики Толстого, которые давались критиком, хотя и разных общественных направлений и политических оттенков, но не связанных прямо с католическим движением.

Остановимся на статьях и работах о Толстом *В. Гостомского* — критика умеренно-консервативного толка, обладавшего большой литературной и художественной культурой⁵⁶.

Гостомский восхищался самобытной мощью таланта Толстого, глубиной его новаторства, силой художественного мастерства. Указывая на преемственность между «Севастопольскими рассказами» и «Войной и миром», критик подчеркивал значение личного опыта писателя периода Крымской кампании как источника для создания военных сцен в названных произведениях. Гостомский заявлял, что Толстой в «Войне и мире» выступил как художник-рассказчик, отличающийся от всех современных ему писателей эпическим спокойствием, которое является следствием поистине гомеровского творческого вдохновения. Такое мнение, разумеется, справедливо. Но в то же время примененный Гостомским биографический принцип вел к отрыву творчества Толстого от общественной и конкретно-исторической почвы. Считая, что «Война и мир» является лишь этапом в духовном

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЛЕО
БЕЛЬМОНТА НА ТИТУЛЬНОМ
ЛИСТЕ ЕГО КНИГИ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ.
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
(КРАКОВ, 1904):

«Великому учителю жизни, А в т о р
К фамилии автора его же рукой сделано
примечание: «В русской публицистике;
Л. Долинов — или Л. Горский (много
псевдонимов — мало известности)»

Личная библиотека Толстого. Музей-
усадьба «Ясная Поляна»

развитии писателя, Гостомский полагал, что это произведение лишено истинного колорита эпохи и подлинно-исторических характеров. Платон Каратаев трактовался Гостомским как «эманация всемирной души на русской почве».

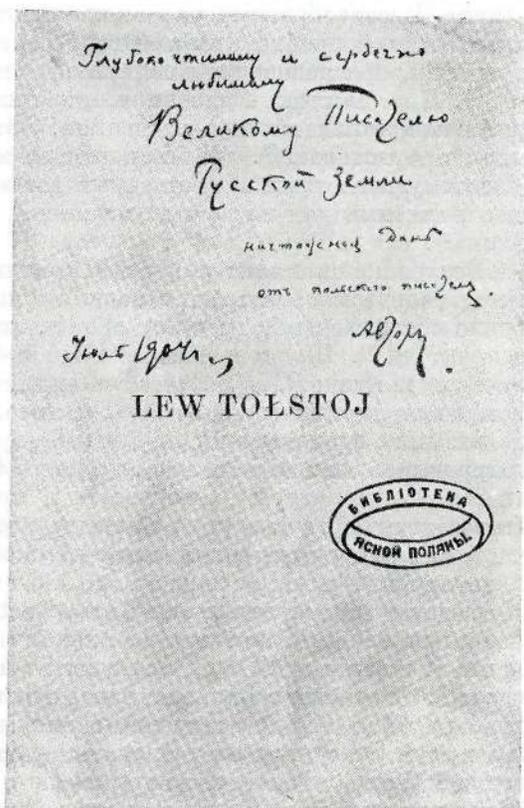
«Анна Каренина» в оценке Гостомского также оказалась выключенной из исторического и социального осмысления. В понимании проблематики произведения польский критик солидаризировался с Мережковским. По мнению Гостомского, роман «Анна Каренина» «с одной стороны, — страшная трагедия страстей, с другой, — меланхолическая элегия желаний, поисков, стремлений, не находящихся удовлетворения даже в наиболее благополучной семейной жизни»⁵⁷.

В «Воскресении» критик на первый план выдвигал трезвый реализм Толстого, чье творчество он противопоставлял модным декадентским течениям в польской литературе. Чрезвычайно высоко оценил он пластичность описаний и образность языка. Однако в оценке Гостомским идейного содержания «Воскресения» отрицательно сказался моралистический подход. Критик полагал, что главным источником, питавшим толстовские обличения социальной несправедливости в «Воскресении», были «евангельские идеалы» писателя. Односторонность такого подхода ограничивала возможности понимания объективной силы и значения толстовского критицизма в «Воскресении».

Много внимания Толстому уделял в своих статьях и очерках известный польский писатель и критик умеренно-либерального направления Л. Белмонт (Блюменталь), хорошо знакомый с русской литературой и общественным движением в России⁵⁸.

Бельмонт отмечал исключительную пронизательность Толстого-психолога. По его мнению, Толстой, рассказывая о столкновении огромной наполеоновской армии с Россией в 1812 г., хотел решить проблему соотношения воли, желаний и стремлений одного человека — Наполеона — с мощным движением человеческого океана на определенном отрезке исторической жизни. Однако, как полагал Бельмонт, разрешение этой задачи не под силу человеческому уму. В дальнейшем Бельмонт отмечал непоследовательность Толстого в обрисовке образа Наполеона, противоречие между теоретическими рассуждениями писателя о слепом орудии высшей воли и реальным, ироническим, приближающимся к карикатуре изображением французского императора. По мнению Бельмонта, Толстой чрезмерно подчеркнул в личности Наполеона фразерство и театральность. Такое отношение к Наполеону явно не по душе критику, который в этом вопросе полностью солидаризируется с Мережковским⁵⁹. Несколько односторонне рассматривал Бельмонт и образ Кутузова. Критик выдвигал на первый план не объективное значение этого образа, созданного силой толстовского реализма. Его привлекал взгляд на русского народного полководца как на одно из орудий тех фаталистических сил, которые, по мнению Толстого, приводят в движение человеческие массы.

Рассматривая такие произведения Толстого, как «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Казачья» и «Анну Каренину», Бельмонт отмечал, что в них заключен обильный автобиографический материал, на основании которого можно воспроизвести историю духовного развития писателя. Однако при рассмотрении названных произведений критику не удалось удовлетворительно связать историю жизни Толстого с историей его творчества.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЛЕО
БЕЛЬМОНТА НА ШМУЦТИТУЛЕ
ЕГО КНИГИ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ.
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
(КРАКОВ, 1904):

«Глубоко чтимому и сердечно любимому
Великому Писателю Русской земли ни-
чтожная дань от польского писателя.
А в т о р. Июль 1904 г.»

Личная библиотека Толстого. Музей-
усадьба «Ясная Поляна»

В религиозно-правственном учении Толстого Бельмонт усматривал силу, способную призвать массы к сопротивлению, хотя и пассивному. Власть понимали это, чем, по мнению критика, и вызвано было отлучение Толстого от церкви. Ей нужно было заклеить Толстого как безбожника в глазах народа, пока еще у масс оставалось доверие к духовенству и правительству. Вместе с тем критик усматривал в решении Синода и объективно полезное значение. Отлучение Толстого от воинствующе-реакционной православной церкви должно было способствовать еще большему распространению могущества Толстого как борца за правду и справедливость.

Но, как и многие другие польские (и не только польские) критики, Бельмонт не мог осмыслить толстовского социального протеста исторически. К трактовке обличительных сторон творчества Толстого критик подходил преимущественно с этической стороны. Такой подход сказался, разумеется, и на оценке «Воскресения». Критик прошел мимо основных проблем, выдвинутых писателем в этом произведении, и не определил настоящих источников обличительного пафоса Толстого.

«Воскресение» принесло Толстому особенно широкую известность в Польше (как, впрочем, и в других странах). И по количеству переводов, и по количеству печатных отзывов этот роман Толстого занял в Польше в 1900 г. первое место⁶⁰. Он произвел большое впечатление на таких выдающихся польских писателей, как Э. Ожешко и Б. Прус (см. об этом в кн. 1-й наст. тома). Интересную статью посвятил «Воскресению» переводчик этого романа, прогрессивный публицист *С. Стемповский*⁶¹.

А. Свентоховский в одной из статей указал, что «Воскресение» было горячо принято польским обществом⁶². Это мнение подтверждают, помимо рецензий, и письма польских читателей к Толстому по поводу «Воскресения». В своеобразных условиях, в которых находилась Польша, социально-острая проблематика «Воскресения» связывалась с национальным вопросом, преследованием поляков, их языка и культуры. Именно поэтому *Б. Прус* записал в дневнике, опубликованном Хшановским, что «Воскресение» «является произведением, которое наш народ особенно понимает и чувствует»⁶³. «В бессмертном сочинении „Воскресение“, — писал Толстому известный общественный деятель и издатель *С. Демби*, — я нашел приятный для нас отзыв о поляках в Сибири, и это очень обрадовало меня»⁶⁴.

Возвращаясь к литературной критике, следует отметить, что много места творчеству Толстого отводил на своих страницах польский литературно-общественный журнал «Крај», издававшийся в Петербурге. Его основатели *Э. Пильц* и известный петербургский юрист, а также публицист и критик *В. Д. Спасович* внимательно следили за творчеством и общественной деятельностью Толстого, печатали его рассказы, отрывки из больших произведений, публицистику и пр. Наряду со статьями своих сотрудников, они помещали в журнале обзоры русской и зарубежной критической литературы о творчестве и мировоззрении Толстого. Спасович был связан с литературно-общественной жизнью Кракова и Варшавы, часто там выступал с докладами о русской литературе и о русско-польских литературных взаимоотношениях.

Отдавая должное величию Толстого-художника, Спасович вместе с тем полемизировал со многими его мнениями. Такую полемику находим, например, в заметке 1906 г., написанной по поводу статьи Толстого «Конец века»⁶⁵. Спасович оспаривает здесь суждения Толстого о России как государстве, будто бы искусственно сколоченном из разных стран и народов. Политическая основа этого спора определялась тем, что Спасович выступал сторонником сохранения исторически сложившегося польско-русского государственного единения в рамках России (при условии предоставления

Польше автономии). Полемика шла и по другим вопросам. Взгляды Толстого на крестьянство и общинное владение землей Спасович называл запоздавшим славянофильством. Представитель буржуазной критики, Спасович, естественно, не принимал отрицания Толстым частной собственности, государства и церкви и, напротив того, солидаризировался (хотя и с позиций буржуазного либерала) с толстовским отношением к социалистическому движению и революции.

Орган позитивистов, варшавский еженедельник «Prawda», редактором которого был известный пропагандист позитивизма в Польше писатель и публицист А. Свентоховский, также уделял много места Толстому. Статьи о Толстом, помещавшиеся в этом издании, в большинстве своем близки по идейным установкам к суждениям о Толстом представителей либерально-народнического течения в русской критике, в частности к суждениям А. М. Скабичевского. Брошюру этого автора «Граф Толстой как художник и мыслитель» (СПб., 1887) сотрудник журнала «Prawda» З. Петкевич считал выдающейся в русской критической литературе работой, посвященной творчеству Толстого⁶⁶.

Влияние работ Скабичевского сказалось и в цикле статей К. Раковского, помещенном в краковской консервативной газете «Czas»⁶⁷. Подвергая анализу «Войну и мир», он часто ссылается на «Историю новейшей русской литературы» Скабичевского.

Как упоминалось выше, некоторое влияние на польскую критику оказал также Д. С. Мережковский. Этому способствовала общая обстановка, создавшаяся в России и в Польше после подавления революции 1905 г. и последовавшего натиска реакции. В 1908 г. вышла в свет небольшая монография о Толстом, написанная Я. Белциковским⁶⁸ в явно реакционном и мистическом духе. Белциковский сравнивает Толстого с романтиком З. Красиным, сопоставляет взгляды польского поэта и русского писателя на цивилизацию и искусство. По сравнению с Красиным, заявлял Белциковский, Толстому «недостает аристократизма души», его отношение к природе, людям и богу имеет «несколько рабский характер».

Вслед за Мережковским Белциковский считает, что борьба «животного» и «духовного», языческого и христианского определяет образы толстовских героев. Автору «Войны и мира» он ставил в упрек «эпикурейское лицемерие». Основу «Анны Карениной» критик видел в раздвоенности личности героини и ее души. Рецензент В. Жимовский верно отметил, что «Белциковский стер границы, где кончается Толстой и начинается Мережковский...»⁶⁹. Компильция Белциковского, кроме заимствований у Мережковского, включает в себе также выдержки из «психологических» оценок Толстого, данных Д. Н. Овсяннико-Куликовским.

Исследованию общественных взглядов Толстого и Прудона и вопроса о влиянии на Толстого французского социолога посвящена докторская диссертация А. Ратушного, изданная во Львове на немецком языке в 1905 г.⁷⁰ Автор диссертации сопоставлял воззрения обоих авторов на собственность и некоторые другие проблемы.

Много внимания уделил Толстому, а также творчеству других русских писателей, критик В. Яблоновский⁷¹. По общей концепции, а отчасти и по фактическому материалу очерки и статьи Яблоновского о русской литературе примыкали к книге Е. А. Соловьева-Андреевича «Опыт философии русской литературы» (СПб., 1905), но еще больше к работам Р. В. Иванова-Разумника, особенно к его «Истории русской общественной мысли» (СПб., 1907). Вслед за последним автором, считавшим себя сторонником «имманентного субъеттивизма» в философии, Яблоновский заявлял, что история русской общественной мысли, которую он рассматривал в нерасторжимом единстве с русской литературой, есть история интеллигенции и что содержанием философии русской литературы является борьба интеллиген-

ции с мещанством. В своих очерках, обзорах, рецензиях и статьях Яблоновский интересовался, главным образом, «душою» создателя, творца произведения.

Заявляя о своем сочувствии к Толстому как великому, неустрашимому искателю правды и восхищаясь его искренностью, Яблоновский вместе с тем предупреждал, что обращение к Толстому, к его творчеству, личности, учению может вызывать у читателя жестокий внутренний разлад. Следуя заветам Толстого, утверждал Яблоновский, можно прийти к крайнему индивидуализму и тотчас же быть вынужденным занять антииндивидуалистические позиции; можно уверовать, что личность является всем, и сразу же утратить эту веру; можно оболящаться надеждой исправить себя самого и человечество и внезапно провалиться в пропасть безнадежности; можно воодушевиться для борьбы с силами, уничтожающими жизнь, и через некоторое время отказаться от надежды на какую-либо борьбу и поверить в благодетельность пассивного созерцания фаталистического хода вещей. Итак, следуя за этой страстной и беспокойной мыслью, без конца путаясь в противоречиях, можно совсем потерять жизненные ориентиры, инстинкт и желание жить.

Подобные высказывания Яблоновского объяснялись тем, что в своих работах, проникнутых духом модернизма, он стремился показать возникновение, развитие и отражение русского индивидуализма в литературе. С такой меркой он подходил и к Толстому. Критик считал (вслед за Е. А. Соловьевым-Андреевичем), что творчество русского писателя посвящено великому делу освобождения человеческой личности, установления для нее универсальных ценностей.

Толстой — «Гомер русской жизни», — по мнению Яблоновского, видит в человеческой личности высшую, ни с чем не сравнимую ценность. Однако эта личность человека не может быть свободной, так как она зависит от рока, судьбы, фатума, которые предопределяют течение всемирных событий. Отсюда, по мнению Яблоновского, проистекает и тот исторический фатализм, который нашел свое отражение в «Войне и мире».

Яблоновский уделял больше внимания анализу умозрительных представлений и теоретических рассуждений Толстого о свободе воли и детерминизме, о человеческой индивидуальности и жизни масс, чем историческому осмыслению творчества писателя и конкретному рассмотрению созданных им образов. Поэтому он не мог сколько-нибудь удовлетворительно определить место и роль художественного наследия Толстого в русской и мировой литературе.

В сентябре 1908 г. в органе социал-демократии Польши и Литвы «Przegład Socjaldemokratyczny» была помещена статья о Толстом *Розы Люксембург*⁷². В этой статье давалась высокая оценка творчеству Толстого — «гениальнейшего современного художника-беллетриста». Особенно подчеркивались сила и глубина толстовского социального критицизма.

«Нет ни одного освященного веками института в современном обществе, — пишет Люксембург, — который не был бы им безжалостно осужден, лживость, бессмысленность, развращенность которого не были бы им разоблачены. Церковь и государство, война и милитаризм, брак и воспитание, богатство и праздность, физическая и духовная деградация рабочих, эксплуатация и угнетение народных масс, взаимоотношение полов, искусство и наука в их нынешнем виде, — все это он подвергает безжалостной, уничтожающей критике»⁷³.

В статье Люксембург указала и на основные недостатки учения Толстого. В этом отношении ее статья как бы перекликается с почти одновременно появившейся статьей Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» («Пролетарий», 24/11 сентября 1908 г., № 35), написанной,

ВАНДА ЛАНДОВСКА

Фотография с дарственной надписью: «Учителю Льву Толстому и дорогой графине Софье глубоко преданная им Ванда Ландовска. 1907 г.»

Музей Толстого, Москва

как и статья Люксембург, в связи с восьмидесятилетним юбилеем Толстого.

Однако, в отличие от Ленина, Люксембург не сумела вскрыть социально-исторических корней творчества Толстого, их роли в классовой борьбе в России между 1861 и 1905 гг. и поэтому не смогла дать всесторонней оценки русского писателя. В частности, она не нашла правильного ответа на поставленные ею же вопросы: почему для Толстого «пролетариат остался непонятным феноменом», а «суеверный, терпеливый мужик стал представителем русского народа».

Все же, несмотря на отмеченные и другие недостатки статьи Люксембург, ее выступление в польской революционной печати, как и две позднейшие статьи о Толстом уже в немецкой прессе, сыграли заметную роль в развитии марксистского понимания творчества великого писателя.

В 1910 г., в связи со смертью Толстого, польская социалистическая газета «Robotnik» поместила о нем редакционную статью. В ней определялось отношение польского пролетариата к творчеству и деятельности

писателя. «Пролетариат восхищается в Толстом его гениальным художественным мастерством, его искренним, сильным, смелым и правдивым словом, но учение Толстого — чуждо пролетариату»⁷⁴, — писала газета.

Довольно часто имя Толстого упоминалось на страницах польского радикального социалистического еженедельника «Nowe Życie», издававшегося в 1910—1911 гг. в Вильнюсе. В этом журнале 1 декабря 1910 г. появилась статья о Толстом известном польского революционера, активного деятеля социалистического движения *Т. Рехневского*. Она была подписана псевдонимом *Т. Неборский*⁷⁵. Автор поставил перед собой задачу разъяснить, почему, вопреки проповедовавшемуся Толстым «непротивлению злу», слово его в идейной жизни эпохи чаще звучало как призыв к протесту и борьбе. Рехневский доказывал, что творчество, жизнь и деятельность Толстого оказали громадное революционизирующее влияние на развитие общества.

В следующем номере «Nowe Życie» появилась статья о Толстом *А. Дрогосhevского*⁷⁶. Критик проводил в ней мысль, что если учение Толстого, порожденное своеобразными условиями русской действительности, представляет преимущественный интерес лишь для самой России, то художественное наследие великого писателя принадлежит всему миру. Дрогосhevский обращал особенное внимание на силу протеста Толстого, указывал на значение в его жизни и творчестве принципа «не могу молчать».

Кроме названных выше статей, журнал «Nowe Życie» поместил информацию о траурных толстовских днях в России⁷⁷ и о преследовании сочинений Толстого царской цензурой⁷⁸. В этом же журнале помещен критический разбор пьесы «Власть тьмы» (в статье *М. Розенблат* «Драматургия и общественный вопрос», подписанной псевдонимом *Чеслав Галич*)⁷⁹.

Кроме упомянутых изданий социалистической печати, разнообразную информацию, относящуюся к Толстому, давала также краковская социалистическая газета «Narząd»⁸⁰.

Польская социалистическая печать неизменно подчеркивала огромное влияние Толстого-художника и толстовского обличения основ эксплуататорского строя, подвергая при этом резкой критике религиозно-нравственное учение Толстого, особенно теорию непротивления злу насилием. Когда же реакционные круги атаковали Толстого, социалистическая печать выступала на его защиту. В 1902 г. «Gazeta Narodowa» обрушилась на деятельность украинского издательского общества. Правая газета протестовала, в частности, против издания на украинском языке таких «гадких» и «отвратительных» книг как «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и «Воскресение» Толстого. Поддерживая мракобесную оценку, данную Толстому Синодом, «Gazeta Narodowa» писала о «пагубном влиянии» «Воскресения», уничтожающего веру и убивающего всякую добродетель⁸¹. Социалистическая газета «Narząd» сразу же откликнулась на эту реакционную вылазку и заклеила ее: «При чтении подобной бессмыслицы, смешанной с подлостью, — писала газета, — невольно возникает вопрос: чем отличается точка зрения подольских шляхтичей от точки зрения органов, оплачиваемых святейшим православным Синодом и Победоносцевым?», «Gazeta Narodowa» сопровождает свои выводы латинской поговоркой: „Nemo gratis mentitur“*. Поистине так!»⁸²

Сошлемся на другой пример. В том же 1902 г. идеолог польского национализма *З. Балицкий* объявил учение Толстого «неэтичным», доказывая, что толстовское учение о непротивлении злу насилием отражает философию и психологию «рабства» и что учение это могло возникнуть лишь у русских, «сохранивших в своей крови наследие монгольского ига»⁸³. Против такого подхода и к Толстому и к русскому народу выступил в социалисти-

* Никто не лжет бесплатно (лат.). — *Ред.*

ческом журнале «Przedświt» Ю. Квятэк (Флис)⁸⁴. Учение Толстого, указывал он, следовало критиковать без предвзятого мнения, без националистической враждебности ко всему русскому. Толстой, заявлял Квятэк, это гениальный гуманист, который, однако, не имеет реального общественного идеала.

Несколько раз упоминал о Толстом в своих статьях известный польский прогрессивный публицист и ученый В. Налковский. Откликаясь на известие о присуждении Г. Сенкевичу Нобелевской премии, Налковский счел нужным подчеркнуть, что Толстой имел больше прав на ее получение, так как более, чем Сенкевич, старался содействовать счастью человечества⁸⁵. В другой статье Налковский сопоставлял Толстого с Ницше и Рёскиным, рассматривая последних как антиподов русского писателя⁸⁶.

В польских литературных кругах Толстой пользовался огромным уважением и авторитетом, о чем свидетельствуют высказывания о нем таких писателей, как С. Виткевич, С. Жеромский, А. Дыгасиньский, В. Оркан, Б. Прус, Г. Сенкевич, Э. Ожешко, М. Конопницкая, В. Гомулицкий, В. Косыкевич, Б. Лесьмян, Ю. Вейсенгоф, А. Шиманьский и др.⁸⁷ Польские писатели ценили главным образом художественные достоинства произведений Толстого и их общественно-этическую проблематику.

С. Виткевич из всех произведений Толстого на первое место ставил «Войну и мир». «Я читаю Толстого — единственное чтение, которое для меня терпимо», — писал он в 1892 г. своей сестре Марии. И продолжал: «Толстой не только для меня терпим, но я зачитываюсь им. Силен, чёрт возьми!» «Читайте, если у вас есть. „Война и мир“ — это нечто охватывающее такие миры чувств и мыслей, что их покидать не хочется да и не нужно»⁸⁸. В другом письме к тому же адресату Виткевич сообщал: «Литература, которая меня питает всю зиму, — это Толстой. Не знаю ничего более близкого мне в искусстве. Да и многое, хотя и не все, в его философии чрезвычайно соответствует моим понятиям. А кроме того, он такой огромный, такой всеобъемлющий, что не надо почти ничего вне его искать... Для меня он единственный, с кем можно жить»⁸⁹.

Во взглядах на искусство, педагогику, мораль, религию и общественные вопросы у Виткевича и Толстого действительно было много общего. Преклонение польского писателя перед Толстым проявилось и в других его высказываниях. В 1904 г., в период крутого подъема русского революционного движения, Виткевич, отвечая на вопрос: «Чем является Россия?» писал: «Это правительство, революция и Толстой». Свою точку зрения на отношение поляков к России он сформулировал так: «Против правительства мы должны бороться, революции сочувствовать и почитать Толстого и родственные ему души. Это и есть формула нашего отношения к России»⁹⁰.

Под влиянием Виткевича возник углубленный интерес к Толстому у С. Жеромского⁹¹. В 1892 г. Жеромский писал своей невесте: «Я читаю Толстого — и это чтение учит меня мудрости и заставляет уничтожать собственные произведения»⁹². В письме к тому же адресату, написанном на следующий день, он замечал, что на примере «Войны и мира» учится мастерству настоящего психологического анализа⁹³.

Увлеченным читателем Толстого был А. Дыгасиньский. Восторженно отзывался он о «Воскресении» в письмах к дочери⁹⁴.

В. Оркан также принадлежал к числу глубоких почитателей Толстого. В 1902 г. он писал В. Фельдману: «Ни с кем я не говорил об этом, но это факт, что более других воздействовали на мои воззрения Толстой и Рёскин. Первый — жизнью своей, второй же — своими фантазиями»⁹⁵. Из произведений Толстого он особенно ценил «Воскресение» и «Рабство нашего времени», а также «Власть тьмы», которую он предлагал включить в репертуар народного театра наряду с другими пьесами реалистического репертуара (см. его письмо к М. Рогу от 17 апреля 1907 г.)⁹⁶.

На *М. Конопницкую* сильное впечатление произвела «Крейцеровая соната». Она прочла повесть «с карандашом в руке» и намеревалась писать о ней в статьях о положении женщины и о феминистском движении⁹⁷. В очерке «Вокруг верещагинской выставки в Вене» Конопницкая отмечала, что на своих картинах Верещагин изобразил «далекую зарю, встающую где-то там, на его родине, над толстовской Ясной Поляной, — зарю великого утра сочувствия и страстного стремления к миру»⁹⁸.

О Толстом, в частности о «Крейцеровой сонате» и ее переводах, писал поэт и драматург *В. Гомулицкий*⁹⁹. Одна из его статей посвящена сопоставлению Толстого с польским писателем XVIII столетия *С. Трембецким*¹⁰⁰. Антиисторическое сопоставление это оказалось совершенно неубедительным.

Б. Прус сочувственно относился к эстетическим взглядам Толстого. Как и Толстой, он осуждал декадентские течения в литературе. В творчестве Толстого Прус ценил исключительный по силе реализм, смелое осуждение эксплуататорских классов, беспощадную критику царизма, веру в народ и глубокое проникновение в его нужды. В 1901 г. «*Gazeta Warszawska*» (№ 72) выступила с резкими нападками на Толстого, упрекая его в «аморальности». Газета предостерегала молодежь от пагубного, отравляющего душу яда, просачивающегося из сочинений Толстого, главным образом из «Крейцеровой сонаты», «Власти тьмы» и «Воскресения». Прус выступил в защиту Толстого. Полемизируя с реакционными критиками, он спрашивал: «Прошу мне, однако, указать, кто из романистов столь благородно, столь возвышенно понимает свою роль по отношению к обществу?»¹⁰¹ Польский писатель видел в Толстом не только гениального художника, но и великого искателя правды, защитника угнетенных, называл его великой совестью России и человечества (см. публикацию статьи Пруса 1908 г. в кн. 1-й наст. изд. тома).

Широко было отмечено польской общественностью восьмидесятилетие Толстого. Почти все газеты, журналы и альманахи поместили статьи и другие материалы об этом событии. Толстой получил от поляков много приветствий, они заняли заметное место среди нескольких сот писем и свыше двух тысяч телеграмм, присланных в Ясную Поляну и в Москву в связи с юбилеем. Сильно прозвучали выступления польских писателей, в том числе и в самой России. Газеты «Речь» и «Русские ведомости» напечатали заказанные ими статьи *Б. Пруса*, *Г. Сенкевича* и *Э. Ожешко* (публикуются в кн. 1-й наст. изд. тома).

На юбилей Толстого откликнулись и менее известные писатели: *В. Косыкевич*, *В. Навроцкий*, *Ю. Янковский* и др.¹⁰²

Огромный резонанс в самых широких слоях польского народа вызвала смерть Толстого. В Ясную Поляну на имя Софии Андреевны Толстой было послано множество соболезнований и откликов от различных общественных организаций, литераторов, деятелей искусства, рабочих, крестьян. Отметим в этом потоке отклики *Г. Сенкевича* и *Б. Пруса*, а также пианистки *В. Ландовской* и художника *Я. Стыки*¹⁰³.

Почти все польские газеты и журналы в эти траурные дни поместили материалы о Толстом. К наиболее интересным и содержательным следует отнести статьи и выступления *А. Гжималы-Седлецкого*, *Ю. Вейсенгофа*, *Б. Лесьмяна*, *К. Сроковского*, *Ю. Кодисовой*, *Э. Дембицкого*, *Ч. Янковского*, *Р. Квятковского*, *Т. Налепиньского* и *Э. Либлинга*¹⁰⁴.

Еженедельник «*Prawda*», называя Толстого «величайшим среди великих», писал в эти дни: «Если был писатель, о котором можно сказать, что его знали все, то это был Толстой — исполин, титан современного человечества. Мифические титаны громоздили в легендах горы на горы, Толстой же в нашей действительности вмещал в своем сердце такую безмерность чувств, владел такой мощью духа, какие недоступны были героям прошлого

и покорителям мира. Эта смерть, столь естественная в его возрасте, столь неизбежная и давно предвиденная, ударила словно молния скорби и ужаса в миллионные массы, потрясая человеческие умы, подобно стихийному катаклизму природы. Такого глубокого, всеобщего траура не видела Европа после смерти Виктора Гюго: от хребтов Урала до Атлантического океана, на высоко поднявшейся волне человеческой совести прокатился гигантской силы отклик на его кончину»¹⁰⁵.

В Кракове Славянское общество организовало траурное собрание, на котором с речами о Толстом выступили *А. Соколовский, А. Шиманьский, К. Моравский, М. Эдзеховский и Ю. Гербачевский*¹⁰⁶.

Реакционно-консервативные и церковно-католические круги, стремясь использовать в своих интересах всеобщность внимания, прикованного к имени Толстого в траурные дни конца 1910 г., определяя свое отношение к умершему писателю с позиций отрицания и враждебности. Так, «Przegład Katolicki» поместил протест против участия поляков в чествовании Толстого¹⁰⁷. Известный консерватор *Я. Попель* пытался доказать, что Толстой своим «революционным влиянием» причинил много зла польской молодежи. Попеля раздражал обличительный пафос Толстого. Именно поэтому он возмущенно осуждал польскую печать, постоянно уделявшую Толстому так много места на своих страницах. Попель протестовал также против того, что польская делегация в Государственной думе на своем венке и в телеграмме к С.А. Толстой дважды употребила выражение «гению мира». Если, по словам Попеля, это «плата за то, что он несколько раз о нас справедливо и верно отозвался, пожалуй, она слишком дорога»¹⁰⁸.

Следует заметить, однако, что отрицательные высказывания о Толстом были в это время редким исключением. По этому поводу писатель *А. Шиманьский* сказал: «В единодушном чествовании памяти Толстого всей мыслящей Польшей, разумеется, не слышны будут те немногие диссонансы, которых не удастся избежать даже в самом совершенном хоре, если он выступает без предварительных репетиций»¹⁰⁹. Полемизируя, в частности, с теми, кто усматривал в Толстом представителя мировоззрения Востока, Шиманьский заключал: «Каждое цивилизованное общество может завидовать России, что у нее был Толстой»¹¹⁰.

* * *

В годы первой мировой войны польская общественность не утратила интереса к Толстому. Однако грозные события повлияли и на масштабы, и на формы, и на самое содержание этого интереса. Особое значение приобрели тогда произведения писателя, направленные против войны и массовых убийств. И хотя в этот период сочинения Толстого в Польше не выходили отдельными изданиями, газеты и журналы неоднократно публиковали на своих страницах высказывания писателя о войне¹¹¹.

Другой формой общения поляков с Толстым в эти годы был, по преимуществу, театр. Так, например, 11 апреля 1915 г. в лодзинском Польском театре состоялась премьера «Власти тьмы» (постановка возобновлена в июне 1917 г.). Общественность продолжала проявлять интерес и к «Живому трупу». В 1916 г. «Живой труп» в постановке Александра Зельверовича в варшавском Польском театре выдержал двадцать представлений. Роль Протасова исполнял А. Зельверович, Виктор Каренина — А. Венгерко, в роли Елизаветы Протасовой выступила Л. Дуниш, а в роли Маши — С. Бронисш. Шесть спектаклей «Власти тьмы» состоялись в декабре 1917 г. в варшавском Малом театре. В роли Акулины выступала М. Пшибылко-Потоцка, в роли Маринны — Я. Шилинжанка, в роли Никиты — Г. Бушиньский. 17 ноября 1917 г. в варшавском Пражском театре было поставлено «Воскресение» в сценической переделке А. Батайля. Постановка выдержала восемь пред-

III. МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ.
НЕПРЕРЫВАЮЩИЙСЯ ИНТЕРЕС К ТОЛСТОМУ
(1918 — 1939)

После окончания первой мировой войны и образования польского государства начался новый период восприятия Толстого в Польше, продолжавшийся до сентября 1939 г., т. е. до начала второй мировой войны.

С 1919 по 1939 г. в Польше почти ежегодно издаются переводы сочинений Толстого. В 1919 г. печатаются его письма к Б. Шоу¹¹², а также рассказ Крыльцова из «Воскресения», запрещенный в свое время царской цензурой¹¹³. В том же году в переводе Г. Даниловского публикуется «Холстомер». В 1920 г. Польское издательство в Познани печатает сборник посмертных сочинений Толстого, в который вошли «Дьявол», «После бала», «Алеша Горшок» и «Хаджи-Мурат».

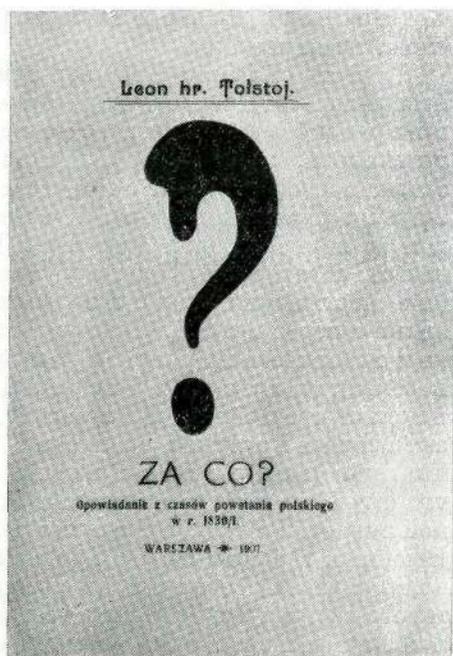
В юбилейном 1928 г. издательство Гутенберга приступило к изданию собрания сочинений Толстого. В течение нескольких лет под редакцией Ю. Тувима появилось двадцать восемь томов. Отдельные произведения Толстого выдержали по нескольку изданий: «Война и мир» в переводе З. Поплавской издавалась три раза, «Воскресение» — в течение 1927—1938 гг. — четыре раза, «Анна Каренина» в 1927 г. печаталась в довольно плохом переводе Воловского, а в 1929 г. в несколько лучшем переводе А. Вата, который был переиздан в 1930 и 1932 гг. Первое место по количеству изданий заняла повесть «Хаджи-Мурат». Она была издана в междувоенный период восемь раз в пяти разных переводах. По нескольку изданий выдержали «Казак», «Семейное счастье», «Севастопольские рассказы», «Два гусара», «Смерть Ивана Ильича», «Исповедь», «Крейцера соната», «Ходите в свете, пока есть свет», «Хозяин и работник», «Дьявол», «После бала», «Живой труп», «За что?» и др. Сочинения Толстого переводил литературовед В. Якубовский («Дьявол», «Крейцера соната», «Декабристы», «Смерть Ивана Ильича», «Алеша Горшок», «Что я видел во сне» и др.); поэты: Г. Тимофеев («Детство», «Отрочество», «Юность», «Воспоминания», «Два путника», «Фальшивый купон», «Ассирийский царь Ассархадон», «Божеское и человеческое», «Много ли человеку земли надо?», «Корней Васильев», «После бала», «Кавказский пленник», «Хозяин и работник», «Три старца», «Где любовь, там и бог» и др.) и В. Слободник («Казак», «Два гусара», «Люцерн», «Три смерти», «Семейное счастье» и др.), которые приняли активное участие в издании произведений Толстого под редакцией Тувима. Их переводы гораздо лучше по качеству, чем переводы Г. Маеранца («Севастопольские рассказы», «Набег», «Рубка леса», «Утро помещика» и др.), З. Поплавской («Война и мир») и А. Вата («Анна Каренина»), вошедшие в то же собрание сочинений Толстого под редакцией Тувима.

О неослабевающем интересе к творчеству Толстого в это время свидетельствуют также театральные постановки. В 1922 г. в варшавском Пражском театре четырнадцать раз ставился «Живой труп». Через два года варшавский Польский театр возобновил постановку «Живого трупа» (премьера 8 марта 1924 г.)¹¹⁴. Кроме того, «Живой труп» ставился в 1926 г. семь раз в Кракове, в 1928 г. — шесть раз в лодзинском Мейском театре, в 1929 г. — семь раз в вильнюсском Польском театре «Лютня». В роли Протасова выступали такие выдающиеся артисты, как К. Адвентович и А. Зельверович.

«Крейцера соната» в сценической переделке А. Савуара и Ф. Нозьера с большим успехом обошла сцены польских театров во Львове, Вильнюсе, Лодзи и Варшаве. Премьера во Львове состоялась 20 января 1925 г. в Малом театре. «Крейцера соната» ставилась там шестнадцать раз. В Вильнюсе постановку «Крейцеровой сонаты» осуществил Польский театр «Лют-

«ЗА ЧТО?» ИЗДАНИЕ НА ПОЛЬСКОМ
ЯЗЫКЕ (ВАРШАВА, 1907)

Обложка

ня» (премьера 14 февраля 1925 г.). Лодзинский Популярный театр выступал с «Крейцеровой сонатой» не только в Лодзи (премьера 23 января 1928 г.), но и в Варшаве, где он с успехом гастролировал в 1930 г.

В 1931 г. в Лодзи несколько представлений выдержала инсценировка «Воскресения». Большой театральной удачей была инсценировка «Анны Карениной», поставленная Л. Шиллером в варшавском Камерном театре 30 января 1938 г. и выдержавшая тридцать представлений.

Среди литературоведов значительное внимание уделяли Толстому А. Брюкнер и В. Ледницкий.

Брюкнер начал писать о Толстом еще в своих немецких трудах о русской литературе, относящихся к середине и концу 1900-х годов¹¹⁵. Содержание их подробно изложил на польском языке И. Хшановский в очерке-рецензии «Духовная жизнь России в свете русской художественной литературы»¹¹⁶.

Но более широко свои взгляды на Толстого Брюкнер развернул в большой работе «История русской литературы», изданной в 1922 г. на польском языке¹¹⁷, а также в статье 1933 г., помещенной в серии историко-литературных обзоров по всеобщей литературе¹¹⁸. Последователя культурно-исторической школы Брюкнера интересовало в русской литературе прежде всего отражение в ней духовной и общественной жизни России. С этой точки зрения он и стремился определить роль, значение и место Толстого в русской культуре. Общие характеристики, которые давал Брюкнер Толстому, не отличались исследовательской глубиной, в них мало элементов для научно-объективного изучения Толстого. Другое дело — отдельные суждения исследователя. Как заметил М. Якубец, эти суждения «племяют нас иногда своей оригинальностью, новизной и злободневным подходом к отдельным явлениям»¹¹⁹.

При рассмотрении автобиографической трилогии Толстого Брюкнер уделил особенное внимание мастерскому изображению детской и юношеской психологии. В то время, когда Толстой создавал это произведение,

подчеркивал Брюкнер, психологией детского возраста никто из художников слова не занимался.

Повесть «Казачья» Брюкнер считал первым в русской литературе произведением о Кавказе, написанным реалистически, без романтических прикрас и без экзотического подхода к предмету изображения. Этим и определялось, по Брюкнеру, историко-литературное место и значение «казачьей повести». Вместе с тем исследователь усматривал в ней важный этап в идейном развитии автора. «Казачья» возвещала будущий перелом во взглядах и мировоззрении писателя. В севастиопольских и кавказских рассказах новаторство Толстого усматривалось, главным образом, в глубине постижения психологии солдат, их духовного мира, чувств, впечатлений и переживаний. «Войну и мир» Брюкнер называл самым замечательным историческим романом в мировой литературе, грандиозной эпопеей и семейной хроникой. Эпический дух «Войны и мира» — явление еще никем не превзойденное в мировой литературе. Брюкнер опровергал высказывавшиеся критикой обвинения Толстого в натурализме и доказывал, что гениальный художник не считался с канонами поэтического искусства, что ему был чужд традиционный европейский исторический роман с единой интригой и всякого рода поэтическими аксессуарами. Толстой, замечал Брюкнер, главным образом показывает людей, их личную жизнь, участие в исторических событиях, а не вещи в духе Вальтера Скотта, в романах которого «исторические факты» всегда были на втором плане, образуя только фон для разворачивания «романической интриги». Много места Брюкнер уделял Пьеру Безухову, в образе которого видел отражение толстовских идейных исканий. По его мнению, ни Пьер Безухов, ни друг Безухова — Андрей Болконский, даже если бы он остался жив, никогда не были бы декабристами.

Высокая оценка художественного мастерства «Анны Карениной» сочеталась у Брюкнера с неприятием тенденциозно-моралистического, осуждающего отношения Толстого к героине романа.

Большое впечатление на Брюкнера произвел роман «Воскресение» с его уничтожающей критикой государства, церкви и аристократии. Но и здесь польский литературовед не принимал субъективной авторской тенденции, сильнее всего обнаружившейся в окончании романа. Это окончание он считал фальшивым.

О религиозно-нравственном учении Толстого и его философии Брюкнер писал не только в связи с рассмотрением его художественных произведений. В отличие от некоторых польских критиков, Брюкнер не придерживался взгляда, согласно которому источник учения Толстого следовало искать в каком-то мистическом «русском духе»; по его мнению, перелом в мировоззрении Толстого определялся совокупностью тех социальных условий, в которых находилась Россия в 1870—1880-х годах.

С позиций своего метода Брюкнер не мог раскрыть значения творчества Толстого как крупнейшего для своего времени явления русской и мировой литературы. Тем не менее его труды сыграли положительную роль в ознакомлении польского общества с русской литературой и с творчеством Толстого в частности.

Немало обзоров и статей о Толстом написал в 1920-е и 1930-е гг. упомянутый В. Ледницкий¹²⁰. Один из представителей старшего поколения современных литературоведов, он в течение длительного времени преподавал русскую литературу в Ягеллонском университете в Кракове, где организовал кафедру истории русской литературы.

В историческом развитии России и Польши Ледницкий не видел других движущих сил, кроме дворянства и буржуазии, что и определило его отрицательное отношение к Октябрьской революции, Советскому Союзу и последовавшим после второй мировой войны социалистическим преобра-

зованиям в Польше. Когда народная демократия в Польше победила, Ледницкий фактически перешел на положение эмигранта, не вернувшись в Польшу из США, куда он уехал во время войны. Политические позиции исследователя определенным образом сказались и в некоторых принципиальных установках его работ о Толстом. Однако они богаты фактическим материалом и отдельными ценными наблюдениями.

Ледницкий часто рассматривал творчество Толстого в тесной связи с биографией и личностью писателя. Толстой-художник и Толстой-моралист для Ледницкого неразделимы. Много места Ледницкий отводил определению специфики и существа художественного таланта Толстого. В «Войне и мире», «Анне Карениной» и других произведениях художественное мастерство Толстого, подчеркивал Ледницкий, торжествует подлинную победу. Несравненный наблюдатель, замечательный, глубокий знаток человеческой души, Толстой создал великолепные шедевры мировой литературы. Каждый образ Толстого навсегда врезывается в память читателя; самая, казалось бы, незначительная черта физического облика героя, малейшие душевные движения его замечены и зафиксированы с предельной точностью. В этом отношении у Толстого нет соперников.

Много внимания уделил Ледницкий «Войне и миру». Однако, следуя традиционному взгляду, долго господствовавшему также в русском и советском литературоведении, Ледницкий усматривал в этом произведении не историческую эпопею, а семейный роман. В соответствии с таким взглядом Ледницкий при изучении источников произведения выдвигал на первый план семейные хроники, воспоминания, дневники и другие аналогичные материалы.

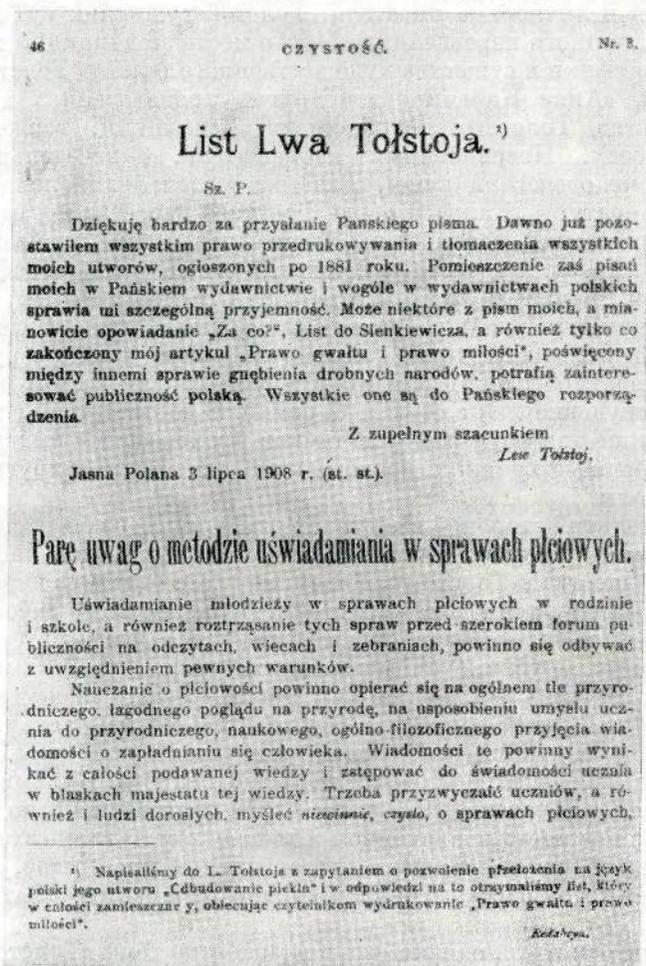
Положительной стороной выступлений Ледницкого была содержащаяся в них полемика с упрощенным, односторонним подходом части польской критики и общества к Толстому. Ледницкий был одним из первых исследователей, обратившихся к теме «Толстой и Польша». В его работах довольно полно собраны и систематизированы относящиеся сюда материалы, включая и архивные, опубликованные советскими исследователями. Отправляясь от этих материалов, Ледницкий прослеживает эволюцию взглядов Толстого по польскому вопросу. Исследователь показывает, что с течением времени Толстой проявлял все больший интерес к полякам, Польше и национально-освободительной борьбе польского народа. Кульминацией этого интереса является рассказ 1906 г. «За что?», занимающий, по мнению Ледницкого, важное место в жизненном и творческом пути писателя. Исследователь пишет об изумительном, непревзойденном мастерстве, с каким Толстой передает в этом рассказе картины польской жизни и события польского восстания.

Нельзя не отметить, однако, что в разработке темы «Толстой и Польша» Ледницкий допускает кое-где фактические неточности и, как сказано, нередко высказывает несостоятельные суждения по принципиальным вопросам. Последнее объясняется тем, что уже в 1920—1930-е годы общая концепция польско-русских взаимосвязей, от которой отправлялся Ледницкий, не была свободна от тенденциозных предпосылок шляхетской историографии о будто бы культурно-нравственной миссии Польши по отношению к народам Восточной Европы¹²¹.

В заслугу Ледницкому следует поставить издание им в 1929 г. по подлинным рукописям, полученным от С. Мельгунова, фрагментов дневника Толстого за 1900—1903 гг. Эту публикацию он сопроводил своими обширными комментариями¹²².

В период между двумя мировыми войнами в Польше появились и некоторые другие документальные публикации о Толстом. Так, например, директор Русского заграничного исторического архива, существовавшего тогда в Праге, А. Изюмов опубликовал в газете «Kurier Poranny» три

неизвестных ранее письма Толстого к Герцену, в которых говорилось о связях писателя с Лелевелем и Прудоном¹²³; письмо Толстого к председателю мусульманской секты Вайсову напечатал в татарском ежегоднике, издававшемся в Польше, внук последнего *Г. Вайсов*, который в своих комментариях охарактеризовал идейные связи вайсовцев и последователей Толстого¹²⁴.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЬМА ТОЛСТОГО РЕДАКТОРУ ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА
«CZYSTOŚĆ» АВГУСТИНУ ВРУБЛЕВСКОМУ ОТ 3 ИЮЛЯ 1908 Г.
«Czystość», 1908, № 3

Толстой отвечает на просьбу Врублевского о разрешении напечатать в «Czystość» легенду «Разрушение ада и восстановление его»:
«Я давно уже предоставил всем право перепечатки и переводов всех моих сочинений с 1881 года. Помещение же моих писаний в вашем и вообще в польских изданиях мне особенно приятно»

Возвращаясь к польской критической литературе о Толстом рассматриваемого периода, необходимо отметить, что научно-объективная оценка его творчества часто заменялась и подменялась реакционно-политическими суждениями представителей католико-мистических и шляхетско-шовинистических воззрений, господствовавших в идеологии буржуазно-помещичьей Польши. Иезуит *М. Пирожинский*, например, называл творчество Толстого «фальшивой литературой» и требовал запрещения его произведе-

ний¹²⁵. С озлобленными нападками на Толстого выступили *Б. Ясиновский*¹²⁶ и *А. Новачинский*¹²⁷.

Все же, несмотря на все эти неблагоприятные условия для распространения в Польше русской литературы (особенно после переворота Пилсудского в 1926 г.), Толстой продолжал сохранять свое живое значение для прогрессивных сил польского общества. Об интересе литературных кругов

Rok IV. 15. Września 1908 r. Nr. 6

CZYSTOŚĆ

»»» DWUTYGDNIK ETYCZNY. »»»

LITERATURA I SZUKA, WIĘDZBA I WIEDZA, BY-GIERA I WYCHOWANIE, SPRAWY SPOŁECZNE I POLITYCZNE - W OŚWIETLENIU ETYCZNYM.

ORGAN RUCHU ETYCZNEGO. *Czystość myśli, uczuć i czynów - naszym hasłem. Odrodzenie jednostek i narodu przez czyste życie - naszym celem.*

«Preté» Organe de mouvement etique.

Kierownik: *Dr. Augustyn Wróblewski*, b. docent Univ. Jagiell.

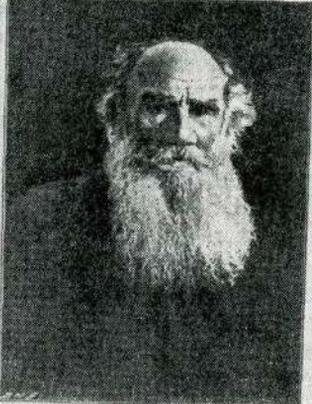
Adres Redakcyi i Administracyi: *Warszawa, ul. Żelazna 75a. Godziny pracy: codziennie przez świat: 6 - 8 godz. wiecz.*

Przemysłowa rocznica i gratyfikacja: 2 rub. 20 kop. * Australja 13 kop. * Niemcy 4.50 m. Osta tego numeru 10 kop. 25 hal. 20 far.

Redakcyi „Czystości” wytoczoną została sprawa sądowa za Nr. 4.

Wizerunek Lwa Tolstoja przysłany przez Niego do „Czystości” jako najlepsza podobizna genialnego Jubilate!

„Nie mogę dłużej milczeć.”

31 lipca 1908. A. Wróblewski

СТРАНИЦА ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА «CZYSTOŚĆ» С ПОРТРЕТОМ ТОЛСТОГО
1908, № 6, 15 СЕНТЯБРЯ

Фотография была прислана Толстым редактору «Czystość»
Августину Врублевскому
31 июля 1908 г.

Опубликована в связи с 80-летием писателя

к творческому наследию Толстого свидетельствуют, например, две анкеты, проведенные литературным еженедельником «Wiadomości Literackie»: «Чем польские писатели обязаны иностранным литераторам» (1927) и «Польские писатели и Советская Россия» (1933). В ответах крупных писателей на вопросы этих анкет часто упоминалось имя Толстого¹²⁸. Передовые литературные круги и пресса торжественно отметили столетие со дня рождения Толстого (1928) и двадцатипятилетие со дня его смерти (1935). Мы не будем останавливаться на этих примечательных во многих отношениях материалах, так как подробный их анализ дан в обзоре *Ф. Селицкого*

«Лев Толстой в польской литературной критике 1918—1939 гг.»¹²⁹. Укажем лишь, что наиболее содержательной и важной была статья *М. Якубца*, напечатанная в 1935 г. в краковском журнале «*Kurier Literacko-Naukowy*»¹³⁰. Автор рассматривал в ней толстовство и его судьбы, причем впервые в польской литературной критике цитировал слова В. И. Ленина о Толстом и толстовстве и отмечал значение ленинского анализа противоречий в мировоззрении и творчестве русского писателя. В этой статье Якубец приводит также высказывание об учении Толстого А. В. Луначарского. Автор подчеркивал, что источником продолжающейся мировой известности Толстого является отнюдь не толстовство, значение которого никогда не выходило за рамки узкой секты, а идейная и художественная мощь автора «*Войны и мира*».

Из других заслуживающих внимания польских материалов обозреваемого периода следует указать работу *Я. Прегер* о взглядах Толстого на творчество Пушкина¹³¹. Цикл статей посвятил Толстому *Т. Парницкий*¹³². В них он касается, главным образом, роли и значения Толстого в развитии исторического жанра в художественной литературе. О художественном мастерстве и новаторстве Толстого в изображении войны писал *В. Фишер*, считавший, что в литературе существуют два поэтических метода воспроизведения войны: гомеровский и толстовский. «Гомеровским» методом пользовались такие писатели, как Мицкевич, Пушкин, Гоголь, Сенкевич, которые войны не видели, однако сумели дать замечательные описания битв. Толстой же положил начало принципиально новому художественному методу изображения войны. В батальных эпизодах и сценах Толстого роль личного мужества сведена почти к нулю. Толстовский метод батальной живописи с той поры стал господствовать в литературе. Ни один писатель, изображая войну, не может пройти мимо Толстого и отстраниться от его метода. Фишер утверждал, что толстовское изображение войны определило новое направление в современном европейском романе¹³³.

Подводя итог восприятию Толстого в Польше в период между двумя мировыми войнами, упомянутый выше *Ф. Семичкий*, изучивший обширный фактический материал, пришел к весьма обоснованному выводу, что наиболее популярным писателем — не только русским, но и вообще иностранным — был тогда в Польше именно Толстой¹³⁴,

* * *

Обстановка, сложившаяся в Польше в годы второй мировой войны, в годы гитлеровской оккупации, не благоприятствовала, разумеется, разработке и пропаганде творчества Толстого. Немецкий фашизм создавал, казалось бы, неодолимые препятствия для каких-либо контактов польской культуры, которой он грозил гибелью, с советской и русской культурой. Тем не менее и в это трудное время интерес к Толстому — великому художнику национально-освободительной войны русского народа — отнюдь не заглох, но, в определенном аспекте, принял более активные формы.

Об этом свидетельствует, например, писатель *А. Рудницкий*. Он сообщает, что до войны его привлекал, главным образом, Достоевский. Но в период немецкой оккупации Достоевский показался Рудницкому ненужным, надуманным, ненастоящим, так как в то время смысл жизни был ясен и все знали, где проходят границы добра и зла. Когда миллионы людей гибли в печах Освенцима и Майданека, только богатая, увлекательная, не заумная песнь жизни проникала в сердца. Слишком много было тогда в мире смертей, жертв, чрезвычайных событий и трагических ситуаций. Жизнь в ее простом, наименее изысканном, обыденном проявлении казалась исполненной глубины, красоты, казалась особенно удобной и желанной. Именно поэтому, по мнению Рудницкого, в трудные годы войны читатели возвращались к Толстому, а не к Достоевскому¹³⁵.

Литературовед *К. Выка* рассказывает, что во время оккупации он несколько раз перечитывал «Войну и мир» и что всегда большое впечатление на него производили размышления раненого князя Андрея Болконского на поле битвы под Аустерлицем, а также сцены встреч героев романа с Наполеоном¹³⁶. Гениальная эпопея Толстого в это тяжелое время обнадеживала поляков, действовала на них ободряюще и укрепляла их веру в неизбежное торжество справедливой борьбы. Это произведение призывало к выдержке и сопротивлению. Многие поляки во время войны читали «Войну и мир» не как роман, а как собственную историю, смотрели на карту и высчитывали расстояние от фронта. Толстой помогал им стойко держаться и продолжать борьбу. *Я. Ивашкевич* следующим образом определял значение эпопеи русского народа для польского читателя: «... „Война и мир“ даже в самые тяжелые дни нашей жизни, во время первой и второй мировых войн, была для нас книгой, несущей утешение. В самые трудные времена только в „Войне и мире“ Толстого, как и в „Пане Тадеуше“, поляки находили отклик на свои чувства и надежды»¹³⁷.

IV. ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ (1945 — 1962)

Новый этап в польском восприятии Толстого начался после установления в стране народно-демократического строя. За годы, прошедшие после войны, в Польше было издано и переиздано много переводов сочинений Толстого. Основные его художественные произведения вошли в четырнадцатитомное собрание сочинений под редакцией П. Гертца¹³⁸. В комментариях к изданию приведены ценные библиографические материалы, собранные *П. Гжегорчиком*. В этом и в некоторых других изданиях многие произведения Толстого даны в новых переводах, значительно более совершенных, чем прежние. «Детство», «Отрочество» и «Юность» перевел П. Гертц, «Севастопольские рассказы» — Т. Лопалевский, «Холстомер» и «За что?» — Е. Енджеевич. Он же опубликовал замечательные переводы следующих произведений Толстого: «Бедные люди», «Нет в мире виноватых», «Нечаянно», «Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Сила детства», «Ходынка», «Что я видел во сне», «Ягоды». Большой творческой удачей являются новые переводы «Войны и мира» А. Ставара, «Анны Карениной» — К. Иллакевич, «Смерти Ивана Ильича» — Я. Ивашкевича, «Крейцеровой сонаты» и «Воскресения» — В. Роговича. Новые переводы драматических произведений Толстого — «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп» — напечатал Е. Помяновский. В четырнадцатитомном издании сочинений Толстого принимали участие также такие известные переводчики, как Ч. Ястшембец-Козловский, К. Трухановский, З. Слободник, Я. Дмоховская и З. Качоровская. Следует отметить, что многие рассказы из «Новой Азбуки» и из «Русских книг для чтения» появились впервые на польском языке только в этом издании.

Как и прежде, большую роль в ознакомлении польской общественности с творческим наследием Толстого играл и продолжает играть театр. В 1952 и в 1953 гг. в краковском театре им. Ю. Словацкого В. Кшеминским были поставлены «Плоды просвещения». В 1954 г. в познанском Польском театре А. Гонсовским была осуществлена постановка «Живого трупа». В 1958—1959 гг. вроцлавский Польский театр показал «Анну Каренину» в инсценировке и постановке Я. Ротбаума. В 1960—1961 гг. познанский Польский театр осуществил довольно удачную постановку «Власти тьмы». Менее удачным был спектакль «Живой труп», поставленный в конце 1960 г. на сцене варшавского театра Народового и отрицательно встреченный критикой. Большой успех имела инсценировка «Живого трупа» в лодзинском театре им. Стефана Ярача с великолепным исполнителем главной

роли — Ф. Жуковским. С постановкой «Живого труп» выступил и гастролировавший в Польше в конце 1952 г. ленинградский Академический театр драмы им. А. С. Пушкина. «Я мог быть вполне уверен, — писал в связи с этим А. Рудницкий, — что изображаемое является достоверным. Русские влюблены в реалистическое искусство, они являются его мастерами»¹³⁹.

В июне 1957 г. на сцене Театра Повшехны режиссером Иреной Бабель была осуществлена постановка «Войны и мира» в инсценировке немецких драматургов экспрессионистского направления Э. Пискатора, А. Неймана и Г. Прюфера (перевод текста с немецкого З.-Кравчиковского). Спектакль привлек большое внимание зрителей и печати. В январе 1960 г. он был показан в двухсотый раз. Укажем, что в инсценировке число действующих лиц было сокращено и введено лицо, говорящее «от автора».

В 1961 г. Театр Повшехны поставил инсценировку «Воскресения»; режиссером-постановщиком был А. Ганушкевич. Спектакль пользовался успехом у зрителей и с одобрением был встречен печатью.

В том же году Телевизионный театр в Варшаве осуществил постановку А. Ганушкевичем «Анны Карениной». В заглавной роли выступила известная трагическая актриса Н. Андрич.

Литературная критика народно-демократической Польши уделяет большое внимание Толстому. В ней заметно проявляется стремление к анализу творчества Толстого в свете работ В. И. Ленина, статьи которого о Толстом были впервые полностью переведены только в народной Польше¹⁴⁰. Польские критики постоянно следят за советскими трудами о Толстом и используют их достижения. Некоторые работы и статьи о Толстом переведены на польский язык¹⁴¹. Печатались также переводы воспоминаний о Толстом М. Горького, В. В. Вересаева, С. Л. Толстого, И. Л. Толстого и А. Б. Гольденвейзера¹⁴².

Юбилейные даты Толстого — столетие, столетие, столетие и стотридцатилетие со дня рождения (1948, 1953 и 1958 гг.), сорокалетие и пятидесятилетие со дня смерти (1950 и 1960 гг.) — широко отмечались в Польше и вызывали множество разнообразных выступлений в печати. (Обзор памятных дней 1960 г. дается в последнем обзоре настоящ. книги.)

Активно выступал литературный критик Р. Карст. В ряде статей он стремился с марксистских позиций осветить жизненный и творческий путь писателя¹⁴³. Общую обзорную статью о Толстом написал поэт А. Стерн¹⁴⁴. Специально же «Войне и миру» посвящена статья А. Земны¹⁴⁵. Название статьи «Русская Илиада» дает представление о характере общей оценки произведения в этой статье. Однако критик сосредоточил свое внимание не на эпических, а на автобиографических элементах романа Толстого, считая, что они играют в нем большую роль. В этом отношении, по мнению автора, Толстой коренным образом отличается от французских классиков, Флобера и Золя, которые педантично устранили из своих произведений даже самые, казалось бы, незначительные проявления собственного «я».

Со статьями о Толстом в послевоенный период выступили также такие известные литературоведы как В. Фишер и К. В. Заводзинский¹⁴⁶. Они особенно акцентировали «психологический реализм» Толстого. Заводзинский в одной из своих работ коснулся вопроса о положительной оценке Толстым «Семьи Поланецких» Г. Сенкевича¹⁴⁷. Заводзинский считал, что предпосылками положительных суждений Толстого об этом романе являются объединяющее обоих писателей «внутреннее утверждение мира» и близость к изображаемой среде. Автора «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты», по мнению Заводзинского, заинтересовала также тематика «Семьи Поланецких», вопросы любви, брака и семьи. З. Баранский, соглашаясь в основном с Заводзинским, подчеркивал, что Толстого могли привлечь женские персонажи, в особенности главные героини: Марья

«ВОЙНА И МИР» НА СЦЕНЕ ПОЛЬСКОГО «ОБЩЕДОСТУПНОГО ТЕАТРА» («ТНЕАТЕР POWZESCHNY») В ИНСЦЕНИРОВКЕ ЭРВИНА ПИСКАТОРА (ВАРШАВА, 1957)

Акт третий. Сцена Бородинского сражения. Пьер Безухов — Тадеуш Бартошик

Фотография

Музей Толстого, Москва

из «Семьи Поланецких» и Анелька из «Без догмата». Кроме того, Толстого могла интересовать история морального возрождения Поланецкого. Ведь такого рода конфликты, замечает Бараньский, преобладали в позднем творчестве автора «Воскресения»¹⁴⁸.

Жизнью и творчеством Толстого интересуются разные круги современного польского общества, в том числе и католические. Уделяют ему внимание, в частности, журналы «Znak», «Tygodnik Powszechny» и «Kierunki», а также издательство «Рах». Выделяются здесь работы *В. Борового*, *М. Морстин-Гурской* и *А. Рогальского*¹⁴⁹. Творчество русского писателя рассматривается в них, разумеется, с идеалистических позиций. Рогальский, например, сравнивая Толстого с Достоевским, заявляет: «Величие Толстого, кажется, заключается в категориях эстетически-моральных, величие же Достоевского — в категориях психологически-религиозных»¹⁵⁰. Рогальский считает, что основной темой творчества Толстого являются поиски ответов на жгучие вопросы жизни и смысла человеческого существования. Творчество Толстого, полагает Рогальский, содержит в себе... отдельные

черты философии К. Маркса и датского философа-идеалиста С. Кьеркегора. Толстой, по мнению Рогальского, в некоторой степени являлся предшественником экзистенциалистов.

Среди работ Рогальского выделяется по своему фактическому материалу книга «Россия — Европа», посвященная исследованию влияний и культурно-литературных связей русской литературы с литературами французской, немецкой и английской¹⁵¹. В ней значительное место занимает рассмотрение, на основе обширного, интересного и зачастую нового материала, влияния Толстого на культурную жизнь Запада. На этой весьма ценной работе отрицательно сказывается то, что ее автору, за редкими исключениями, остались неизвестными исследования советских литературоведов, посвященные мировому значению русской литературы и ее взаимосвязям с литературой западноевропейской.

Часто пишет о Толстом бывший политический деятель—эмигрант, возвратившийся в 1956 г. в Польшу, известный публицист и литератор С. Мацкевич. Он называет Толстого «великим, гениальным, самым гениальным русским стилистом»¹⁵², а «Войну и мир» — одним из величайших, гениальнейших шедевров в мире¹⁵³. Отмечает он также поразительную жизненность художественных образов и многих других толстовских произведений. Однако методология исследования, применяемая Мацкевичем, антинаучна. Ярко выраженный субъективизм, а также погоня за сенсацией сводят в конечном счете на нет те вопросы и проблемы, которые действительно существуют, а не являются выдумкой критика, объявившего, например, Толстого... монархистом¹⁵⁴.

Сопоставляя известную трилогию Г. Сенкевича «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский» с «Войной и миром», Мацкевич пришел к выводу, что, в отличие от романов польского писателя, «Война и мир» — не исторический, а бытовой роман. Доказательства? То, что «Толстой изображает там своих родителей и события, которые знал непосредственно, а Севастопольская кампания, в которой он участвовал, научила его технике боя, очень мало отличавшейся от военных приемов наполеоновских времен»¹⁵⁵. В другом месте критик обобщает свое суждение: «Толстой ни на один момент и ни в одном романе не был историческим писателем»¹⁵⁶. В этом, полагает Мацкевич, заключается основное отличие Толстого от Сенкевича. Однако вместо научного подхода к анализу взглядов Сенкевича и Толстого на историю, Мацкевич скользит по поверхности этого сложного вопроса, гоняясь за эффектными формулировками. Он не замечает или не хочет заметить действительного, коренного отличия Сенкевича от Толстого, заключающегося в том, что польский писатель в своих произведениях исторического жанра воспекает батальную романтику, в то время как Толстой, с неподражаемой художественной силой и правдой показывая войну, далек от малейшей ее идеализации. Это, разумеется, далеко не все, что отличает Сенкевича от Толстого в рассматриваемом аспекте. Польский критик вовсе не придает значения их отношению к народу и к роли народных масс в исторических событиях и вообще в историческом процессе. Исторические произведения Сенкевича, как на это указывал ранее Ю. Кшижановский, написаны в манере В. Скотта, т. е. они рисуют важные исторические события в связи с более или менее правдоподобными приключениями героев-рыцарей. А «Война и мир» Толстого и «Пепел» Жеромского основываются на определенных концепциях философии истории; и вместе с тем исторические процессы, закономерность и события даны на страницах этих произведений преломленными сквозь призму психологии и поведения живых людей¹⁵⁷.

Современные польские литературоведы используют художественный опыт Толстого и его теоретические высказывания об искусстве и литературе при разработке многих историко-литературных и эстетико-философ-

ских проблем, выдвигаемых современностью. Интересную работу «Взгляды Льва Толстого на искусство в связи с эстетикой революционных демократов» написал *А. Валицкий*¹⁵⁸.

Эстетика Толстого, по мнению Валицкого, во многом перекликается с эстетикой Велинского, Чернышевского и Добролюбова. В согласии с ранее высказанными мнениями Стасова и Плеханова, Валицкий отмечает сходство между трактатом «Что такое искусство?» и диссертацией Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности».

Несмотря на отдельные совпадения, указывает Валицкий, эстетика Толстого, даже в той ее части, которая выражала «разум» писателя, не являлась развитием эстетики революционных демократов. Критик подчеркивает, что Толстой, по сравнению с революционными демократами, неоднократно отступал назад, развивая правильные мысли крайне односторонне. В одном только отношении, по мнению Валицкого, Толстой пошел дальше революционных демократов, а именно в критике антинародности, «элитарности» искусства в развитом капиталистическом обществе и в показе униженного положения художника в этом обществе. Формулировки Толстого, полагает Валицкий, иногда идут навстречу ленинской критике «свободы» художника при капитализме. Однако — и это доказывает Валицкий — Толстой не сумел сделать соответствующих выводов из своей критики, не смог указать выхода из соответствующего положения.

Работа Валицкого об эстетических взглядах Толстого содержит ряд интересных наблюдений. Однако общую характеристику и анализ эстетики Толстого нельзя признать вполне удовлетворительными. Нельзя согласиться и с некоторыми опорными для всей работы положениями автора. Так, например, несмотря на имеющиеся оговорки, он все же слишком сближает эстетику Толстого с эстетикой революционных демократов, не учитывая основных принципиальных различий между ними, переоценивает влияние Стасова на Толстого и, напротив того, исключает воздействие Руссо на формирование эстетических взглядов писателя и т. д.¹⁵⁹

Уяснению в польском литературоведении связей мировоззрения Толстого с его художественным творчеством способствовала дискуссия советских литературоведов в связи с появлением в печати статьи югославского критика *И. Видмара*. Материалы этой полемики были напечатаны на польском языке¹⁶⁰.

Большое внимание творчеству Толстого уделяется на страницах журнала «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego» и продолжавшего его «Slavia Orientalis», издаваемого Польской Академией наук под редакцией *С. Фишмана*¹⁶¹. Чаще всех о Толстом и о посвященных ему работах советских авторов пишет там *А. Семчук*. В 1958 г. были напечатаны две его статьи. В первой он рассматривает проблему общественного идеала у Достоевского и Толстого на материале «Идиота» и «Войны и мира»¹⁶². Во второй в центре анализа стоит тема «Лермонтов — Вестужев-Марлинский — Толстой»¹⁶³. В 1959 г. он поместил в том же журнале статью о Толстом до писательского дебюта¹⁶⁴. В течение 1954—1961 гг. появились также его рецензии на некоторые работы советских исследователей¹⁶⁵. В 1963 г. в издательстве «Wiedza Powszechna» вышла монография Семчука, посвященная жизни и творчеству Толстого.

В 1954 г. *Я. Урбаньска* сделала обзор критической литературы о Толстом в советских литературно-общественных журналах в связи со столетием со дня рождения писателя¹⁶⁶, а *М. Якубец* — обзор статей о Толстом, напечатанных в 1952 и 1953 гг. в «Известиях Академии наук СССР. — Отделение литературы и языка», и написал заметку о «Библиографии литературы о Л. Н. Толстом. 1917—1958»¹⁶⁷.

Творчество Толстого продолжает пользоваться в Польше всеобщей известностью и влиянием. Об этом свидетельствуют хотя бы результаты

читательской анкеты, проведенной редакцией «Трубина Literacka» в конце 1958 г. Судя по ответам читателей, из иностранных писателей Толстой стоит на первом месте, после Сенкевича, Жеромского, Пруса и Крашевского, но перед Реймонтом, Мицкевичем, Ожешко и Домбровской. Интересно отметить, что Хемингуэй в ответах читателей занял девятое место, а Бальзак — тринадцатое. Из произведений Толстого особенно выделен читателями роман «Война и мир». Подводя итоги читательской анкеты, критик З. Василевский подчеркнул, что в польском общественном мнении творчество Толстого стоит весьма высоко¹⁶⁸. Это же подтверждает анкета, проведенная Институтом книги в 1959 г. в разных местах Польши, среди разных категорий читателей: в первый ряд зарубежных писателей они поставили Шолохова и Толстого¹⁶⁹.

Заметим в заключение нашего обзора, что в ознакомлении современной Польши с наследием и жизнью Толстого участвуют не только критики и литературоведы, но и писатели.

Значительный интерес представляют мысли о Толстом, высказанные во многих статьях и выступлениях Я. Ивашкевича (см. стр. 193—198 кн. 1-й настоящ. тома).

Попытку разъяснить причины ухода Толстого из Ясной Поляны предпринял в специальной статье М. Яструн¹⁷⁰. Автор считает, что уход Толстого явился протестом против ненавистного ему жизненного уклада, и находит сходство в этом отношении с А. Мицкевичем, который также пытался бежать от семьи и чуждой ему среды в 1848 и 1855 гг., чтобы отдаться делу освобождения Польши, которое ставил превыше всего. Толстой и Мицкевич не хотели да и не могли быть только писателями. Они стремились к прямому, непосредственному участию в борьбе с несправедливостью, но не умели найти практических путей для этой борьбы. Как альбатросу Бодлера, им мешали их собственные крылья.

Много места уделено Толстому в книге поэта и критика П. Герца «Польское достояние». Автор делится своими наблюдениями о некоторых особенностях художественного метода Толстого, сопоставляя его творчество с крупнейшими явлениями мировой литературы¹⁷¹.

Сделанное нами далеко не полное обозрение материалов, относящихся к теме «Толстой в Польше», свидетельствует об идейно-художественном могуществе великого русского писателя. Толстой прочно и органично вошел в польскую, как и во всю мировую, культуру; он был и остается в ней вечно живой, активно действующей силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

I. Места изданий

Kr.—Kraków; Lw.—Lwów; Poz.—Poznań; Pr.—Praha; W.—Warszawa; Wr.—Wrocław.

II. Названия изданий

BL — Вопросы литературы; *PL* — Русская литература; *BW* — Biblioteka Warszawska; *Cz* — Czas; *DK* — Dziennik Kijowski; *DL* — Dziennik Literacki; *DP* — Dziennik Polski; *G* — Głos; *GC* — Gonicz Codzienny; *GK* — Gazeta Kościelna; *GL* — Gazeta Lwowska; *GN* — Gazeta Narodowa; *GNar.* — Głos Narodu; *GP* — Gazeta Polska; *GR* — Głos Robotniczy; *GW* — Gazeta Warszawska; *JKC* — Ilustrowany Kurier Codzienny; *JR* — Język Rosyjski; *K* — Kraj; *Kam.* — Kamena; *Kier.* — Kierunki; *Kryt.* — Krytyka; *Ks.* — Książka; *Kul.* — Kultura; *Kuż.* — Kuźnica; *KC* — Kurier Codzienny; *KIPR* — Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego; *KL* — Kurier Lwowski; *KLN* — Kurier Literacko-Naukowy; *KP* — Kurier Poranny; *KPoz.* — Kurier Poznański; *KW* — Kurier Warszawski; *M* — Młodość; *MN* — Myśl Narodowa;

Materiały do studiów... — Materiały do studiów i dyskusji z zakresu teorii i historii sztuki, krytyki artystycznej oraz badań nad sztuką.

N — Niwa; *Nap.* — Naprzód; *NK* — Nowa Kultura; *NL* — Nowiny Literackie; *NR* — Nowa Reforma; *NŻ* — Nowe Życie; *P* — Prawda; *PH* — Przegląd Humanistyczny; *PF* — Przegląd Filozoficzny; *PK* — Przegląd Katolicki; *PKult.* — Przegląd Kulturalny; *PL* — Przegląd Literacki; *PN* — Przegląd Narodowy; *PNiL* — Przewodnik Naukowy i Literacki; *PP* — Przegląd Powszechny; *PPol.* — Przegląd Polski; *PPor.* — Przegląd Poranny; *Pob.* — Pobudka; *Prz.* — Przyjaźń; *PS* — Pamiętnik Słowiński; *PSd* — Przegląd Socjaldemokratyczny; *PSoc.* — Przegląd Socjalistyczny; *PT* — Przegląd Tygodniowy; *PW* — Przegląd Współczesny; *PzM* — Prosto z Mostu; *R* — Robotnik; *S* — Stowo; *SP* — Słowo Polskie; *SO* — Slavia Orientalis; *Sf.* — Sfinks; *Sp.* — Spółczesność; *ŚS* — Świat Słowiński; *Św.* — Świat; *T* — Tydzień; *TI* — Tygodnik Ilustrowany; *TL* — Tygodnik Literacki; *TLit.* — Tydzień Literacki; *TP* — Tygodnik Powszechny; *Tw.* — Twórczość; *W* — Wędrowiec; *WL* — Wiadomości Literackie; *WN* — Wiek Nowy; *WiŻ* — Wiedza i Życie; *WS* — Wolne Stowo; *Wol.* — Wolność; *Wsp.* — Współczesność; *Z* — Zranie; *ŻL* — Życie Literackie.

¹ Aleksander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku — dziś i lat temu trzysta. Lw.—W., 1906, s. 9.

² Ludwik Krzywicki. Wspomnienia, t. II. W., 1958, s. 45—46.

³ *NK*, 1960, № 5, s. 1.

⁴ A. Brückner. Dzieje literatury polskiej w zarysie, t. II. W., 1924, s. 374, 422, 450, 454; Manfred Kruidl. Literatura polska (Na tle rozwoju kultury). N. Y., 1945, s. 424; Julian Krzyżanowski. Henryk Sienkiewicz. Kalendarz życia i twórczości. W., 1956, s. 177, 194, 207, 224, 267; О н ж е. Światowa sława Sienkiewicza — в кн.: «Odczyty o Sienkiewiczu». W., 1960, s. 7—44. O Толстом на ср. 12, 22, 34, 41; см. предисловие К ш и ж а н о в с к о г о: Елизавета Орешкова. Cham. W., 1947, s. 16—19; Grzegorz Timofiejew. Literatura rosyjska a Żeromski. — *KLN*, 1935, № 11—12, 18—22, 26—30, 32; О н ж е. Wyzwalanie szatana i wyzwalenie anioła. — *Kam.*, 1935, z. IV; О н ж е. Tołstoj i Żeromski (Żywi pisarze — żywe rocznice). — *Pob.*, 1945, № 8; О н ж е. Tołstoj i Żeromski. — *GR*, 1947, № 322; О н ж е. Tajemniczy kwiat tuberozy. — *NL*, 1948, № 2; О н ж е. Tołstoj i Żeromski. — *DL*, 1948, № 40; О н ж е. «Polska mania» Żeromskiego — *PSoc.*, 1948, № 1/2; Karel Krejčí. Dějiny polské literatury. Pr., 1953, s. 461, 463—464; Wacław Borowy. Działacz wczoraj. W., 1934, s. 125; О н ж е. O Żeromskim. Rozprawy i szkice. W., 1960, s. 68, 90, 92, 123, 146, 155, 272; Tadeusz Grabowski. Historia literatury polskiej, t. II. Poz., 1936, s. 342; Stanisław Adamski. Słowa i szkice. Poz., 1930, s. 412. См. послесловие В ы к н: Stefan Żeromski. Popioły, W., 1951, t. III, s. 319; ср. также: Kazimierz Wyka. Żeromski jako pisarz historyczny в кн.: «Szkice literackie i artystyczne», Kr., 1956, s. 253; Edward Rzeszowski. Stefan Żeromski a literatura rosyjska. «Nauka i sztuka», 1948, t. IX, s. 63; см. послесловие Г. Маркевича: Władysław St. Reymont. Rok 1794. Insurekcja. Kr., 1955, s. 337. См. также: H. Markiewicz. Spojrzenie na Żeromskiego в сб. «Tradycje i rewizje». Kr., 1957, s. 272; H. Markiewicz. Prus i Żeromski. Rozprawy i szkice literackie. W., 1954, s. 221—222; см. предисловие Г. Маркевича: Bolesław Prus. Lalka, t. I. W., 1959, s. 9.

⁵ T. Grabowski. Krytyka literacka w Polsce w epoce realizmu i modernizmu Poz., 1934, s. 126, 131, 167, 203—208. Ср. также: Józef Szytkowski. Stanisław Brzozowski estetyk-krytyk, Kr., 1939, s. 42, 68; Kazimierz Kosiniński. Stanisław Witkiewicz. W., 1928, s. 61, 140, 268, 283, 357; Kazimierz Czachowski. Obraz współczesnej literatury polskiej, 1834—1933, t. I, Naturalizm i neoromantyzm. Lw., 1934, s. 38; Jan Zygmunt Jakubowski. Z dziejów naturalizmu w Polsce. Wr., 1951, s. 102; см. также вступительную статью Я. З. Якубовского к изданию: Stanisław Witkiewicz. Pisma wybrane, t. IV. Utwory tatrzańskie. W., 1951, s. VII—IX; Jan Zygmunt Jakubowski. Dzieje polskiego pisarza. Adolf Dygasiński w świetle swojej korespondencji. — *PH*, 1958, № 6, s. 44; Stanisław Piłgosiński. Władysław Orkan. Twórca i dzieło. Kr., 1958, s. 119, 122—123, 240—242; Teodor Parnecki. Dziedzice Lwa Tołstoja. — *KLN*, 1936, № 7, s. IV.

⁶ Irena Sławińska. Tragedia w epoce Młodej Polski. Z zagadnień struktury dramatu. Toruń, 1948, s. 28, 62, 63, 65, 66, 72, 111. Alina Brodzka. O nowelach Marii Konopnickiej. W., 1958, s. 16, 92, 108, 109, 112, 114, 152, 153, 207, 273; Zygmunt Greń. Od Tołstoja do Erenburga. — *ZL*, 1955, № 37, s. 3;

⁷ M. Jakóbiec. Literatura rosyjska wśród Polaków w okresie pozytywizmu в сб. «Pozytywizm», cz. I, t. II. Wr., 1950, s. 323, 325, 368, О н ж е. Lew Tołstoj i literatura Polska. — *Wol.*, 1953, № 209, s. 6; Antoni Semczuk. Prus o Lwie Tołstoju. — *KIPR*, 1954, № 3; О н ж е. «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii. — *KIPR*, 1956, № 3—4. А. Семчук. Л. Н. Толстой в польской критике (1899—1908). — «Яснополянский сборник». Тула, 1960; Лев Толстой в Польше. — «Еженедельное обозрение ПАП», 1960, № 5; Regina Gerlecka. Pisarze polscy o Lwie Tołstoju. — *Kam.*, 1961, № 4. В том же журнале была помещена небольшая статья Регины Герлецкой о влиянии Толстого на творчество польского писателя Игнаци Домбровского (*Kam.*, 1961, № 9); ср. также ее обзорную статью, посвященную восприятию Толстого в Польше по 1900 г.,

в «*Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*», vol. XV, 6, Sectio F, 1960, Lublin, 1963, s. 147—174. Franciszek Sieliński. Lew Tołstoj w polskiej krytyce literackiej lat 1918—1939.— *SO*, 1960, № 1; Piotr Grzegorzuk. «Zmartwychwstanie» Tołstoja.— *TP*, 1952, № 5; Он же. Lew Tołstoj w poezji polskiej.— *Tw.*, 1960, № 11; Он же. Polacy w Jasnej Polanie.— *PH*, 1960, № 6; Он же. Lew Tołstoj w Polsce.— «Polska Akademia Nauk. Oddział w Krakowie. Sprawozdanie z posiedzeń Komisji. Styczeń—czerwiec 1960», 1961, z. 1; Он же. Tołstoj i Orzeszkowa.— *Tw.*, 1961, № 4; Он же. Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce.— *PH*, 1961, № 6.

⁸ Piotr Grzegorzuk. Lew Tołstoj w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. W., 1964.

Сведения о переводах произведений Толстого на польский язык взяты нами, главным образом, из этого обзора, а данные о постановках толстовских пьес на польской сцене — из библиографии С. Домбровского, помещенных в виде редакционных примечаний в четырнадцатитомном издании сочинений: Lew Tołstoj. Dzieła, t. I—XIV, pod redakcją Pawła Hertza. Państwowy Instytut Wydawniczy. W., 1956—1958. Отдельные польские издания перечислены также в библиографии: «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки». М., 1961.

⁹ Т. Л. Мотылева. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957. Об отношении Пруса к Толстому см. также в предисловии Е. З. Цыбенко: Болеслав Прус. Сочинения в пяти томах, т. I. Повести и рассказы. М., 1955. Идеиные и творческие связи Ожешко и Толстого были рассмотрены в докладе Е. З. Цыбенко, посвященном пятидесятилетию со дня смерти польской писательницы. См. об этом обширный отчет С. Петрова «Юбилей польской писательницы», опубликованный в журнале «Вестник МГУ». Филология, журналистика, серия VII, 1960, № 4, стр. 92—94. Этот же вопрос поставлен в статьях Ю. Л. Булаховской «Ідейні і творчі зв'язки Елізи Ожешко з представниками російської та української літератури», опубликованной в сборнике «Міжслов'янські літературні взаємини», К., 1958, стр. 136—155 и А. И. Гривовской «Ідейные и творческие связи Элизы Ожешко с русской литературой», опубликованной в сборнике «Питання слов'янознавства. До V Міжнародного з'їзду славістів». Видавництво Львівського ун-ту, 1962, стр. 193—216.

¹⁰ В настоящее время в Польше исследованием влияния Толстого на польскую литературу занимается Регина Герлацкая. См.: «Biuletyn Polonistyczny», 1961, z. 10; 1962, z. 13.

¹¹ «Współcześni literaci rosyjscy». — «Księga Świata» W., 1858, cz. II, s. 179—181.

¹² «Encyklopedia Powszechna». W., t. 25, s. 342.

¹³ «Literatura rosyjska ostatnich czasów». W., 1870, № 43, s. 260—262.

¹⁴ «Северная пчела», 1862, № 316, стр. 1288.

¹⁵ Jan ze Śliwina (Adam Kirkor). Zarys współczesnej literatury rosyjskiej. Poz., 1873. — Взгляды А. Киркора на русскую литературу освещены в работе М. Якубца: «Literatura rosyjska...», s. 358—359.

¹⁶ А. Н. Киркор. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich, Kr., 1874.

¹⁷ Ibid., s. 241. Ср. «Zarys współczesnej literatury rosyjskiej...», s. 35.

¹⁸ Eugeniusz Borakowski. Listy znad Newy. — «Kłosy», 1878, № 692.

¹⁹ См.: Piotr Grzegorzuk. Z dziejów recepcji Lwa Tołstoja w Polsce. — *PH*, 1961, № 6, s. 93—94.

²⁰ J. I. Kraszewski. Kronika zagraniczna. Przekład z francuskiego. — *TI*, 1884, № 99. — Статья была написана Крешевским по-французски, так как в тюрьме ему не разрешали писать на польском языке; напечатана в польском переводе.

²¹ Kazimierz Waliszewski. Listy znad Sekwany. — *N*, 1885, t. 27, s. 599—603. — Валишевский издал также книгу «Littérature Russe» (Paris, 1900), в которой много места отвел Толстому.

²² Некоторое время пропагандировалась среди польских читателей книга: Anna Seuron. Graf Leo Tołstoj. Intimes aus seinem Leben. Berlin, 1895. См. рецензии *PNL*, 1895, t. XXIII, z. VIII; *PP*, 1896, t. 50.

²³ А. М. Л. Nowocześni powieściopisarze w Rosji. III. Tołstoj, *PPol.*, 1886, t. 82, № 244, z. IV. Анна Лисицкая известна в польской литературе под псевдонимом Марта Муамир. Свои статьи по русской литературе она подписывала криптонимом А. М. Л. М. Якубец расшифровывает этот криптоним следующим образом: Анна Лисецкая, рожденная Мыцельская. В эту верную расшифровку следует внести лишь одно уточнение: писательница была женой Генрика Лисицкого, и фамилия ее должна писаться Лисицкая.

²⁴ H. Gliński. Lew Tołstoj jako pisarz i człowiek. — *Św.*, 1888, t. I, s. 105—107, 135—138, 180—183, 227—230.

²⁵ A. Szumański. Listy o najnowszej literaturze rosyjskiej. Ostatnie utwory L. Tołstoja. — *G*, 1888, № 6—9.

²⁶ В. (Jan Badeni). Główne kierunki powieści rosyjskiej. — *PP*, 1886, t. XII, z. 10; Marian Morawski. «Spowiedź» rosyjskiego powieściopisarza Lwa Tołstoja. — *PP*, 1888, t. XVIII; Он же. La Sonate à Kreutzer. Par le Comte Léon Tołstoj. — *PP*, 1890, t. 27. Ср. также его кн.: Wieczory nad Lemanem. Kr., 1896, s. 6—8, 106; Michał

Nowodworski. Leon hr. Tolstoj i jego doktryna.— *PK*, 1896, № 10—13, 18—19; Jan Urbani. Doktryna Lwa Tolstoja.— *PP*, 1904, t. 81—83; Он же. Tolstoj hr. Lew.— «Энциклопедия Kościelna». W., 1905, t. 28; Jan Pawelski. Z dzisiejszych próbek etycznych. Tolstowcy.— *PP*, 1896, t. 49; Он же. Dwa «Zmartwychwstania» (Tolstoj i Ibsen).— *PP*, 1900, t. 66; Jerzy Morszyński. Leon Tolstoj i «Słowo».— *PK*, 1900, № 18—20; Он же. W czym tkwi szkodliwość moralna hr. Leona Tolstoja?— *PK*, 1904, № 37; Al. Pechnik. Lew Tolstoj, les Révolutionnaires... Paris, 1906 (рецензия).— *GK*, 1906, № 42, s. 407—408.

²⁷ *PP*, 1886, t. XII, z. 10, s. 484.

²⁸ *PK*, 1900, № 20, s. 315.

²⁹ *PP*, 1900, t. 66.

³⁰ *PP*, 1888, t. XVIII, s. 122.

³¹ *PP*, 1886, t. XII, z. 10, s. 485—486.

³² *GL*, 1895, № 298; *NR*, 1895, № 298; *GNar.*, 1896, № 23; *S*, 1910, № 531.

³³ М. Урсиан. Религиозно-политические идеалы польского общества. Лейпциг, 1896, стр. V—X. До этого статья Эдзеховского без предисловия Толстого и со значительными цензурными сокращениями была напечатана в «Северном вестнике», 1895, № 7, стр. 36—54.

³⁴ *SP*, 28.XII 1895.

³⁵ *Cz.*, 1895, № 297.

³⁶ «Письма из Варшавы. Письмо тринадцатое».— «Московские ведомости» от 2 января 1896 г.

³⁷ «Русский вестник», 1896, № 2. К сожалению, следует отметить, что эти далеко отступающие от оригинала фрагменты приводятся в качестве подлинных толстовских высказываний в статьях А. И. Грибовской: «Элиза Ожешко в оценке русской критики».— Львовский гос. ун-т им. Ивана Франка. Труды кафедры русской лит-ры, вып. 2. Литературоведение. Львов, 1958, стр. 224 и «Идейные и творческие связи Элизы Ожешко с русской литературой».— «Питання слов'язнознавства. До V Міжнародного з'їзду славістів». Видавництво Львівського ун-ту, 1962, стр. 204.

³⁸ См. Bazyli Białokozowicz. Opowiadanie «Za co?» w świetle jubileuszowego wydania dzieł Lwa Tolstoja i materiałów archiwalnych.— *SO*, 1960, № 4.

³⁹ Stanisław Witkiewicz. Z Tatr. Lw., 1907, s. 24—53. Об отношении Станислава Виткевича к Толстому см. ст.: Bazyli Białokozowicz. Stanisław Witkiewicz wobec Lwa Tolstoja.— *PH*, 1961, № 4.

⁴⁰ *Z*, 1910, № 17, s. 338—339.

⁴¹ См. Bazyli Białokozowicz. Polscy korespondenci Lwa Tolstoja. Z korespondencji Tolstoja z Polakami.— «Lew Tolstoj». Materiały z sesji zorganizowanej przez Zakład Słowianoznawstwa PAN i Instytut Polsko-Radziecki. W., 1961.

⁴² Письмо Толстого к Г. Сенкевичу (т. 77, стр. 271—274) произвело большое впечатление в Польше. Это письмо (частично и полностью) на польском языке, а также отзывы о нем печатались в следующих изданиях: *DP*, 1908, № 39; *KP*, 1908, № 16; *PPog.*, 1908, № 22; *SP*, 1908, № 39; *WN*, 1908, № 195; *P*, 1908, № 5; *S*, 1908, № 32, *KW*, 1908, № 20, 36. Письмо Толстого Сенкевич опубликовал также на русском и французском языках в сб.: «Prusse et Pologne. Enquête internationale organisée par Henryk Sienkiewicz». Paris, 1909, p. 259—262.

⁴³ В юбилейном издании (т. 38, стр. 150—156) фамилия Стефании Ляуды не указана. Письмо Толстого озаглавлено: «Ответ польской женщине (Одной из многих)». Это объясняется тем, что письмо Ляудын Толстому было подписано ее псевдонимом «Полька» с добавлением слов «Одна за многих». Эта корреспонденция была полностью опубликована в краковских журналах: письмо Ляудын в «Świat Słowiański» (1909, t. I, № 53, s. 302—307), ответ Толстого — «Krytyka», (1910, t. I, z. V, s. 243—247).

⁴⁴ В настоящей статье мы не касаемся вопроса о польских мотивах в художественном творчестве Толстого. Эта тема рассматривается в следующих работах: Waclaw Lednicki. Tolstoj a Polska. Kr., 1929; Venceslas Lednicki. Quelques aspects du Nationalisme et du Christianisme chez Tolstoj (Les variations tolstoïennes à l'égard de la Pologne). Kr., 1935; W. Lednicki. Russia, Poland and the West. L.— N. Y., 1954, p. 15—18, 134—136, 139, 241—244, 231—238, 341—348; W. Lednicki. Lew Tolstoj. Pro domo nostra. Ex ungue leonem.— *Kul.*, 1960, № 12, s. 7—9; а также в статье писательницы Марии Домбровской: «Polska i Polacy w utworach Lwa Tolstoja», напечатанной в ее книге: «Myśli o sprawach i ludziach». W., 1956, s. 43—53. См. также: Zbigniew Wagniski. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wr., 1962, s. 6—8 и Henryk Lebiecki. Lew Tolstoj a Polska.— *JR*, 1956, № 2.

Над этим вопросом работает и автор настоящего обзора. См.: «Лев Толстой в Польше».— «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. XXIX, серия ист.-филол. Харьков, 1956, «Tolstoj wobec Polaków».— *TL*, 1958, № 37; «Lew Tolstoj — przyjaciel Polaków».— *Prz.*, 1958, № 39; «Za co?» — *Prz.* 1960, № 39; «Opowiadanie „Za co?“ w świetle jubileuszowego wydania dzieł Lwa Tolstoja i materiałów archiwalnych».— *SO*, 1960, № 4; «Polonica w Jasnopolńskiej bibliotece Lwa Tolstoja».— *SO*, 1962, № 4.

⁴⁵ В примечаниях к т. XI польского издания собрания сочинений Толстого (под редакцией Павла Герца) ошибочно сообщается, что «Живой труп» был переведен

на польский язык в 1910 г. и ставился на польской сцене во Львове (Teatr Miejski) 20 декабря 1910 г. См. L. T o ł s t o j. Dzieła, t. XI. W., 1957, s. 448—449. Это ошибка, так как впервые пьеса была опубликована после смерти Толстого в газете «Русское слово» 23 сентября 1911 г. и в том же году вышла отдельным изданием. О премьере во Львове см. рецензию Корнелия Макушинского в газете *SP*, 1911, № 596. В редакционных пояснениях к «Живому трупу» в польском издании 1957 г. имеются существенные ошибки и неверные сведения. Так, например, там сообщается в редакционных примечаниях, что «Живой труп» в первый раз был поставлен любителями в 1912 г. на хуторе В. Г. Черткова в Телятинках Тульской губ. и что только в 1918 г. постановка была осуществлена Александринским театром в Петербурге. См. L. T o ł s t o j. Op. cit., s. 448. Ошибка возникла, по всей вероятности, по редакционному недосмотру. Эти сведения относятся к пьесе Толстого «От ней все качества», а не к «Живому трупу», постановка которого состоялась впервые на сцене Московского Художественного театра 23 сентября 1911 г., а с 1 января по 15 октября 1912 г. ставилась в двухстах сорока трех театрах девять тысяч раз!

⁴⁶ Jan K a s p r o w i c z. W królestwie ciemności. — *KL*, 1900, № 42.

⁴⁷ *SP*, 1903, № 499, 501.

⁴⁸ Edward A b r a m o w s k i. Co to jest sztuka? Z powodu rozprawy L. Tołstoja. — *PF*, W., 1898, № 3; Leo B e l m o n t. Nowoczesny Savonarola. Luźne uwagi. — *P*, 1898 № 26—30; Tołstoj o sztuce. — *NR*, 1898, № 86; Marian Z d z i e c h o w s k i. Sztuka, młodość i Młoda Polska. — *Cz*, 1898, № 250; Bolesław P r u s. Kronika tygodniowa. — *KC*, 1899, № 118; Władysław J a b ł o n o w s k i. J. Ruskin i estetyka uwielbienia. — *G*, 1899, № 32, 33; Feliks J a s i e Ń s k i. Tołstoj o sztuce. — *PT*, 1901, № 14; Wł. J a b ł o n o w s k i. Co to jest sztuka? — *Ks.*, 1901, № 7; K. D a n i ł o w i c z - S t r z e ł b i c k i. Co to jest sztuka? — *W*, 1901, № 8, 9; W. L e d n i c k i. Tolstoy between War and Peace. London — The Hague — Paris, 1965, T. Sobolewski. Tołstoj o sztuce. — *T*, 1902, № 31.

Отношение Э. Абрамовского и Л. Бельмонта к эстетическому трактату Толстого частично освещено в ст. А. В а л и ц к о г о: «Lwa Tołstoj a poglądy na sztukę w związku z estetyką rewolucyjnych demokratów». — *Materiały do studiów...* W., 1954, № 1.

⁴⁹ M i r i a m (Zenon P r z e s m y c k i). Walka ze sztuką. — «Chimera», 1901, t. I, z. 2; Stanisław P r z y b y s z e w s k i. Confiteor. — «Życie», 1899, № 1. Свою точку зрения на искусство Пшибышевский изложил также в кн.: «Na drogach duszy» (Kr., 1900). Ср. русское издание «Афоризмы и прелюдии» (М., 1902, перевод А. Курсинского). Пшибышевский назвал взгляды автора «Воскресения» на искусство «старческими бреднями» Толстого.

⁵⁰ J. M a r c h l e w s k i. Chimeryczny pogląd na stosunek społeczeństwa do sztuki. — *P*, 1901, № 19—20. См. также: Julian M a r c h l e w s k i. O sztuce. Artykuły, polemiki oraz listy. Zebrał, wstępem i skorowidzem opatrzył Józef Rurawski. W., 1957.

⁵¹ Marian Z d z i e c h o w s k i. Towianizm hr. Lwa Tołstoja. — *K*, 1886, dod. «Przegląd Literacki», № 52; О н ж е. Od słowianofilstwa do panazjatyzmu. Studium literacko-polityczne. — *PPol.*, 1900, t. 140, 141; О н ж е. Szkice literackie. W., 1900; О н ж е. «Pestis perniciosissima». Rzecz o współczesnych kierunkach myśli katolickiej. W., 1905; О н ж е. Die Grundprobleme Russlands. Wien, 1907; О н ж е. Голос из Польши. В кн.: «Международный толстовский альманах», сост. П. Сергеевко. М., 1909; О н ж е. Lew Tołstoj. — *ŚS*, 1910, t. 2; О н ж е. O Tołstoj u. — «Prąd», 1910, № 11—12; О н ж е. U epoki mesjanizmu. Nowe szkice z psychologii narodów słowiańskich. Lw., 1912; О н ж е. Pesymizm, romantyzm a podstawy chrześcijaństwa, t. I, II. Kr., 1915.

⁵² Об этом журнале см.: Thais S. L i n d s t r o m. Tołstoj en France (1886—1910). Paris, 1952, p. 65—67.

⁵³ Leon W i n i a r s k i. Z obcych literatur. Tołstoizm we Francji — *Kryt.*, 1896, № 5—6.

⁵⁴ M. Z d z i e c h o w s k i. Katolicyzm a prądy religijne w literaturze. — *PL*, 1897, № 12—16.

⁵⁵ M. Z d z i e c h o w s k i (Władysław K a r o w s k i). Lew Tołstoj i jego «Zmartwychwstanie». Kr., 1900.

⁵⁶ Walery G o s t o m s k i. Historia literatury powszechnej w zarysie. t. II. W., 1898, s. 696—698; О н ж е. Leon Tołstoj i ostatnia jego powieść «Zmartwychwstanie». — *S*, 1900, № 77—81; О н ж е. Z przeszłości i teraźniejszości. Studia i szkice krytyczno-literackie. W., 1904, s. 333—356; О н ж е. Nietzsche i Tołstoj. Dwa przeciwieństwa myśli współczesnej. — *PPol.*, 1905, t. 1, z. 3; О н ж е. Tragedia sumienia. Lew Tołstoj i jego ideał etyczny. — *BW*, 1908, t. 1, z. 3.

⁵⁷ W. G o s t o m s k i. Tragedia sumienia, s. 516.

⁵⁸ Leo B e l m o n t. Ecce liber. (Z powodu najnowszej powieści L. Tołstoja «Zmartwychwstanie»). — *G.*, 1900, № 15—16; О н ж е. O Lwie Tołstoj u myśli luźne. — *Kryt.*, 1901, t. 2; О н ж е. Lew Tołstoj. Życie i dzieła. Zarys biograficzno-krytyczny. Kr., 1904; О н ж е. Lew Tołstoj. Ucieczka Tołstoja. — *WS*, 1910, № 110—113; О н ж е. Miłość i samobójstwo. Anna Karenina. — *WS*, 1911, № 128.

⁵⁹ Один из очерков Мережковского был переведен на польский язык: Dymitr M e r e ż k o w s k i. Leon Tołstoj i Dostojewski jako ludzie, Lw., 1904. См. рецензии: *Ks.*, 1904, № 8; *PP*, 1904, т. 94.

⁶⁰ Анализ польской критической литературы, посвященной «Воскресению», дан в статье А. Семчука: «Zmartwychwstanie» Lwa Tołstoja w polskiej opinii.— *KIPR*, 1956, № 3—4.

⁶¹ S. S t e m p o w s k i. «Zmartwychwstanie». Ostatnia powieść Leona Tołstoja.— *P*, 1900, № 6, 7.

⁶² Posel P r a w d y (A. S w i e t o c h o w s k i). Liberum veto (Dobra zaraza).— *P*, 1900, № 15.

⁶³ См. I. C h r z a n o w s k i. Studia i szkice, rozbiory i krytyki, t. II. Kr., 1939, s. 220.

⁶⁴ *AT*, Архив «Письма разных лиц на русском языке», оп. 212/2.

⁶⁵ Włodzimierz S p a s o w i c z. Leon hrabia Tołstoj o końcu naszej ery.— *K*, 1906, № 14. См. Pisma, t. IX. W., 1906, s. 305—315. См. о Спасовиче исследования Янины Кульчицкой-Салони: *SO*, 1963, № 2; 1964, № 4.

⁶⁶ Zenon P i e t k i e w i c z. Literatura ruska. Tołstoj w krytyce literackiej i opinii publicznej.— *P*, 1887, № 50.

⁶⁷ K. R a k o w s k i. Lew Tołstoj.— *Cz*, 1910, № 531, 533, 535, 537.

⁶⁸ Jan B e ł c i k o w s k i. Leon Tołstoj. W., 1908., Ср. также: Jan B e ł c i k o w s k i. Leon Tołstoj jako twórca.— *Sp*., 1908, № 37, 39, 41.

⁶⁹ *P*, 1909, № 11, s. 13. Ср. также другие рецензии на книгу Белцковского: *ŚS*, 1909, т. II; *Sw.*, 1909, № 8; *Ks.*, 1909, № 3; *Cz*, 1908, № 292.

⁷⁰ Anton R a t u s z n y. Tołstoj's sociale Anschauungen, insbesondere seine Eigentumslehre und ihr Verhältniss zur Lehre P. J. Proudhons. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde von der philosophischen Fakultät der Universität Freiburg in der Schweiz. Lemberg, 1905.

⁷¹ Władysław J a b ł o n o w s k i. Lew Tołstoj.— *SP*, 1907, № 359, 361; *DK*, 1907, № 160, 161; О н же. Indywidualizm rosyjski i jego odbicie w literaturze.— *PN*, 1908, т. 2; О н же. Rozprawy i wrażenia literackie. W., 1908, s. 191—209; О н же. Dookoła Sfinksa. W., 1910, s. 82—90. Ср. авторизованный перев. Лидии С и м с о н: «Вокруг сфинкса. Очерки о жизни и творчестве русского народа». СПб., 1912.

⁷² Róża L u k s e m b u r g. Pogrobowiec utopijnego socjalizmu.— *PSd.*, 1908, № 7. Почти одновременно появилась в немецком журнале «Leipziger Volkszeitung» (9.IX 1908), мало чем отличающаяся, но под другим заглавием статья Л ю к с е м б у р г «Толстой как социальный мыслитель»; ср. русский перевод статьи с польского: Роза Л ю к с е м б у р г. Статья о литературе. М.—Л., 1934, стр. 94—109.

⁷³ См. стр. 293 настоящей книги.

⁷⁴ *R*, 1910, № 223, s. 8—9. Подобный подход к Толстому характерен также для статей, напечатанных в связи с кончиной писателя в варшавском социалистическом еженедельнике «Miot» (прежде «Трубуна» 1910, № 17, статья Генрика С. К а м е н ь с к о г о) и в краковском журнале «Prawo Ludu» (1910, № 49, статья Казимежа Ч а п л и н с к о г о).

⁷⁵ T. N i e b o r s k i. Lew Tołstoj.— *NZ*, 1910, № 9.

⁷⁶ A. D r o g o s z e w s k i. Apostoł współczesny.— *NZ*, 1910, № 10, s. 289—294. Дрогошевский в предисловии к изданию произведений Ожешко «Pisma. Wydanie zbiorowe zupne» (Warszawa, 1912, s. XC) указывает, что в ее романе «Австралиец» отчетливо видны отголоски толстовских идей о необходимости и пользе физического труда и осуждение барской праздности.

⁷⁷ *NZ*, 1910, № 10.

⁷⁸ Konfiskata dzieł Tołstoja.— *NZ*, 1911, № 24; Zniszczenie dzieł Tołstoja.— *NZ*, 1911, № 33.

⁷⁹ Czesław H a l i c z. Sztuka dramatyczna a sprawa społeczna.— *NZ*, 1911, № 16.

⁸⁰ «Lew Tołstoj».— *Nap.*, 1902, № 88; «Tołstoj i Wilhelm II».— *Nap.*, 1903, № 224; Kazimierz C z a p i ń s k i. Hr. Lew Tołstoj a kwestia socjalna.— *Nap.*, 1908, № 253; Cyryl Z l i n c z e n k o. Nieco o Tołstoju. Tołstoj i szpicel.— *Nap.*, 1908, № 281; «Lew Tołstoj i Maksym Gorkij. Pierwsze spotkanie».— *Nap.*, 1909, № 77; Kazimierz C z a p i ń s k i. Pośmiertne utwory Tołstoja.— *Nap.*, 1912, № 141—143.

⁸¹ Wstępne wydawnictwa ruskiej «Wydawniczej Spółki».— *GN*, 1902, № 155.

⁸² «Gazeta Narodowa» przeciw Fr. Engelsowi i Tołstojowi.— *Nap.*, 1902, № 164, s. 1.

⁸³ Zygmunt B a l i c k i. Egoizm narodowy wobec etyki. Lw., 1902, s. 43.

⁸⁴ «Przedświt», 1903, № 1.

⁸⁵ Wacław N a ł k o w s k i. Proletariat i twórcy.— *M*, 1905, № 1. Статья Н а ł к о в с к о г о перепечатана в сб.: «Polska Krytyka Literacka (1800—1918). Materiały». t. IV. W., 1959, s. 183—186.

⁸⁶ W. N a ł k o w s k i. Zestawienia.— *Sf.*, 1908, т. II.

⁸⁷ В настоящем обзоре мы не рассматриваем отношения Толстого к польской литературе и к культуре. Этот вопрос частично затронут в следующих работах: Zbigniew

B a r a ń s k i. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wr., 1962, s. 62, 72, 82—83; Bazyli Białokozowicz. Lew Tołstoj wobec kultury polskiej.— JR, 1960, № 5; Б. Бялокозович.— Лев Толстой и Польша.— Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. XXIX; серия ист.-филол. Харьков, 1956; Б. Бялокозович. Польская музыка в оценке Льва Толстого.— «Л. Н. Толстой». Сб. статей, IV, «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», 1961.

⁸⁸ K. Kosiński. Stanisław Witkiewicz. W., 1928, s. 68.

⁸⁹ Ibid. s. 61.

⁹⁰ St. Witkiewicz. Wallenrodzizm czy znikczemnienie? — «Kultura Polska», 1917, z. VI, s. 286—287.

⁹¹ См. об этом: Bazyli Białokozowicz. Stanisław Witkiewicz wobec Lwa Tołstoja.— PH, 1961, № 4.

⁹² S. Piółun-Nowszewski. Stefan Żeromski. Dom, dzieciństwo i młodość. W., 1928, S. 273.

⁹³ S. Piółun-Nowszewski. Op. cit., s. 277.

⁹⁴ J. Z. Jakubowski. Dzieje polskiego pisarza. Adolf Dygasiński w świetle swojej korespondencji.— PH, 1958, № 6, s. 44.

⁹⁵ Stanisław Pióń. Władysław Orkan. Twórca i dzieło. Kr., 1958, s. 241.

⁹⁶ Walentyna Najdus. Szkice z historii Galicji, t. II. W., 1960, s. 375.

⁹⁷ См. А. Пиотровская. Мария Конопницкая и русская литература.— ВЛ, 1959, № 6, стр. 186.

⁹⁸ M. Konopnicka. Około wystawy Wereszczaginowskiej w Wiedniu.— TI, 1897, № 52, s. 1027.

⁹⁹ Wiktor Gomułicki. Żniwo literackie.— K, 1901, dod. «Życie i Sztuka», № 2.

¹⁰⁰ W. Gomułicki. Polski Tołstoj. В сб.: «Ктосы польской ниwy». W., 1912, s. 235—243.

¹⁰¹ Bolesław Prus. Kronika tygodniowa. Wyprawa jednego z naszych pism periodycznych przeciw Tołstojowi.— KC, 1901, № 79, s. 1.

¹⁰² Wincenty Kosiakiewicz. Artysta i moralista.— S, 1908, № 246; Он же. Tołstoj i Polacy.— Św., 1908, № 37; Władysław Nawrocki. Lew Tołstoj w osiemdziesiąt rocznicę urodzin.— TI, 1908, № 37; Józef Jankowski. Tołstoj i Rosja.— Św., 1908, № 37.

¹⁰³ Автор настоящего обзора намерен опубликовать работы: «Юбилей Толстого 1908 г. на страницах польской печати и в приветственных письмах и телеграммах поляков к русскому писателю» и «Уход и смерть Толстого на страницах польской печати и по архивным материалам».

¹⁰⁴ A. Grzymała-Siedlecki. Lew Tołstoj. Cz, 1910, № 531; J. Weysenhoff. Tołstoj jako artysta.— GW, 1910, № 320; B. Leśmian. Wielki starzec. Sylwetka pośmiertna.— P, 1910, № 49; K. Srokowski. Zgon wielkiego Rosjanina.— NR, 1910, № 532, 534; J. Kordisowa. L. Tołstoj jako filozof.— P, 1910, № 51, 52; Z. Dębicki. Lew Tołstoj.— KW, 1910, № 322; Cz. Jankowski. Tołstoj.— S, 1910, № 529; R. Kwiatkowski. Dzień żałoby w Moskwie.— KW, 1910, № 325; T. Nałepiński. O «legendzie Tołstoja».— KW, 1910, № 335; E. Liebling. Hrabia Lew Tołstoj. Szkic literacki. Lw., 1911.

¹⁰⁵ «Zgon Lwa Tołstoja».— P, 1910, № 48, s. 3.

¹⁰⁶ См. отчет в Cz, 1910, № 542; ŚS, 1910, t. II; S, 1910, № 544; GC, 1910, № 209.

¹⁰⁷ PK, 1910, № 50, s. 990.

¹⁰⁸ Jan Popiel. Lew Tołstoj a Rosja i my.— PPol, 1911, t. 179, s. 50. С более умеренных католических позиций Роже Лубеньский и Януш Ямонтт характеризуют мировоззрение и творчество Толстого. (Roger Lubieński. Tołstoj. W., 1910; Janusz Jąmontt. Lew Tołstoj.— «Rola», 1912, № 45—51. Статьи Ямонтта были изданы отдельной брошюрой в Варшаве в 1914 г.)

¹⁰⁹ Adam Szymański. Lew Tołstoj. Istota jego działalności. Kr., 1911, s. 6.

¹¹⁰ Ibid., s. 11.

¹¹¹ IKC, 1915, № 280; IKC, 1918, № 126; Nap., 1915, № 391; GL, 1918, № 203.

¹¹² Listy Lwa hr. Tołstoja do B. Shawa.— GP, 1919, № 1—2.

¹¹³ «Łowiczanie», 1919, № 12.

¹¹⁴ См. рецензии: Tadeusz Boy-Żeleński. Flirt z Melpomeną. Wieczór czwart. W., 1924; Jan Lorentowicz. 20 lat teatru. W., 1933, t. 3.

¹¹⁵ Alexander Brückner. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1905; Russlands geistige Entwicklung in Spiegel seiner schönen Literatur. Tübingen, 1908. Ср.: проф. Брюкнер. Русская литература в ее историческом развитии, ч. 1—2. Перев. с немецкого А. Т. Саввинского. СПб., 1906.

¹¹⁶ Ignacy Chrzastowski. Życie duchowe Rosji w świetle rosyjskiej literatury pięknej.— PN, 1908, t. I.

¹¹⁷ Aleksander Brückner. Historia literatury rosyjskiej, t. II (1825—1914). Lw.—W.—Kr., 1922, s. 307—325, 354—363.

¹¹⁸ Aleksander B r ü c k n e r. Literatura rosyjska.— «Wielka Literatura Powszechna», t. IV. W., 1933.

¹¹⁹ Marian J a k ó b i e c. Stan i postulaty naukowe historii literatur słowiańskich w Polsce.— *PS*, t. II, 1951, s. 69.

¹²⁰ Вступительная статья к изданию сочинений Толстого под редакцией Туви́ма: Lew T o ł s t o j. Dzieła, pod red. Juliana Tuwima, ze słowem wstępnym prof. Wacława Lednickiego, t. I. W., 1928; Он же. Tolstoj po polsku.— *WL*, 1928, № 25; Он же. Léon Tolstoj. Le Flambeau. Bruxelles, 1928; Он же. Tolstoj a Polska.— *PW*, 1929, № 86, 87; Он же. Tolstoj a Polska. Kr., 1929; Lew Tolstoj.— *Cz*, 1935, № 316. Он же. О Льве Толстом.— «Русское слово». Вильно, 1935, № 273; Он же. Lew Tolstoj. W 25-tolecie zgonu... W., 1935; Venceslas Lednicki. Quelques aspects du Nationalisme et du Christianisme chez Tolstoï (les variations tolstoïennes à l'Égard de la Pologne).— Kr., 1935.

¹²¹ Эти элементы в концепции Ледницкого созрели и проявились в полном виде в его работе эмигрантского периода: «Russia, Poland and the West». L.— N. Y., 1954.

¹²² Fragmenty z Dziennika Lwa Tolstoja z lat 1900—1903, tłumaczył i wydał Wacław Lednicki. Kr., 1929.

¹²³ A. I z i u m o w. Spotkanie Lwa Tolstoja z Lelewelem, Hercenem i Proudhonem.— *KP*, 1937, № 83, 84, 85. Письма эти были затем по фотокопии опубликованы в «Лит. наследстве» (т. 41-42, стр. 490—525).

¹²⁴ Chodźija Muchamed G a j a n W a j s o w. Wajsow, wajsowcy i stosunek ich do Lwa Tolstoja.— «Rocznik Tatarski», 1932, t. I.

¹²⁵ M. C h o r o m a ń s k i. Rozmowa z ojcem Pirożyńskim.— *WL*, 1932, № 30. Пирожинский в настоящее время является главным редактором клерикального журнала «Номо Деб». О том, что он не изменил своих позиций, свидетельствует его интервью, данное Яну Збигневу Словескому. См. *Wsp.*, 1957, № 7, s. 9.

¹²⁶ Bogumił J a s i n o w s k i. Wschodnie chrześcijaństwo a Rosja na tle rozbioru pierwiastków cywilizacyjnych Wschodu i Zachodu. Wilno, 1933.

¹²⁷ Adolf N o w a c z y ń s k i. Krasieński i Tolstoj. В кн. «Góry z piasku. Szkice». W., 1922; «Wierne rzeki» i «Urody życia».— *WL*, 1936, № 3.

¹²⁸ См. анализ высказываний о Толстом в ст. Францишка Селицкого: «Lew Tolstoj w polskiej krytyce literackiej lat 1918—1939».

¹²⁹ Fr. Sielicki. Op. cit., s. 33—68.

¹³⁰ M. J a k ó b i e c. Tolstoizm i jego losy.— *KLN*, Kr., 1935, № 46.

¹³¹ Janina P r e g e r ó w n a. Sady Tolstoja o Puszkynie. Na marginesie estetyki Tolstoja.— *PW*, 1935, t. 54, № 160.

¹³² Teodor P a r n i c k i. Tolstoj—Sienkiewicz—Aldanow.— *MN*, 1930, № 18; Он же. Rosyjska powieść historyczna.— *KLN*, 1933, № 41; Он же. Trzech Tolstojów.— *KLN*, 1934, № 30; Он же. Dziedzictwo Lwa Tolstoja.— *PzM*, 1935, № 48; Он же. Dziedzice Lwa Tolstoja.— *KLN*, 1936, № 7; Он же. «Poszukiwacze Boga» u kresu swych dróg.— *PP*, 1937, t. 213; Он же. «Poszukiwacze Boga».— *KLN*, 1936, № 2.

¹³³ Włodzimierz F i s z e r. Książki o wojnie.— *TI*, 1934, № 33.

¹³⁴ Fr. Sielicki. Op. cit., s. 68.

¹³⁵ Adolf R u d n i c k i. Niebieskie kartki. Przeswity. W., 1957, s. 30—31. Имя Толстого мы также встречаем в сборнике рассказов Рудницкого «Ущелье у Ясной Поляны», издававшемся дважды в послевоенный период (второе издание — 1949 г.). Автор, ставя вопрос об ответственности немецкого фашизма, воспроизводит жизнь евреев в период второй мировой войны, трагедию их жизни и гибели.

¹³⁶ Kazimierz W y k a. Życie na niby. Szkice z lat 1939—1945. W., 1959, s. 14.

¹³⁷ Jarosław I w a s z k i e w i c z. Słowo o Tolstoj.— *Tw.*, 1961, № 1, s. 74.

¹³⁸ Lew T o ł s t o j. Dzieła, t. I—XIV, Państwowy Instytut Wydawniczy. W., 1956—1958.

¹³⁹ Adolf R u d n i c k i. Niebieskie kartki. Ślepe lustro tych lat. Kr., 1956, s. 19—20. Частые ссылки на Толстого имеются также в других томах этого своеобразного дневника Рудницкого «Голубые странички», перемежающегося с краткими рассказами. См. Narzeczony Beaty. Niebieskie kartki. W., 1961; Obraz z kotem i psem. Niebieskie kartki. W., 1962.

¹⁴⁰ W. L e n i n. Lew Tolstoj (fragment).— *Kuź.*, 1947, № 40; O literaturze. W., 1947 (второе издание 1949); O Tolstoj.— *Prz.*, 1948, № 10; Lew Tolstoj.— «Poradnik dla nauczycieli», 1948/49, № 3—4; O Tolstoj. W., 1950; Lew Tolstoj jako zwierciadło rewolucji rosyjskiej.— «Dzieła», t. 15. W., 1956; Czyżby początek zwrotu? L. N. Tolstoj. L. N. Tolstoj a współczesny ruch robotniczy. Tolstoj a walka proletariacka. Rycerze «zaszereżonka».— «Dzieła», t. 16. W., 1957; Lew Tolstoj i jego epoka.— «Dzieła», t. 17. W., 1957.

¹⁴¹ Mikołaj G u d z i j. Lew Tolstoj. W., 1950; T. M o t y ł o w a. Postać ludzka w twórczości L. Tolstoja.— *Tw.*, 1953, № 11.

¹⁴² Maksym G o r k i. Ze wspomnień.— *TLit.*, 1950, № 46; List o Tolstoj.— *ŻL*, 1953, № 37; Lew Tolstoj.— *Tw.*, 1956, № 1; W. W i e r i e s a j e w. Dzień w Jasnej Polanie.— *NL*, 1948, № 43; Sergiusz T o ł s t o j. Wspomnienie o ojcu. Rok 1910. Ostatnie miesiące i dni Lwa Tolstoja (fragmenty).— *ŻL*, 1959, № 5—6; Ilja T o ł s t o j. Wspom-

mnienia o moim ojcu. Przetłóżyli Irena Tuwim i Julian Stawiński.—W., 1962; Aleksander Goldenweiser. Tolstoj wśród bliskich. W., 1961. Przekład Heleny Winawerowej. В том же переводе первое издание появилось в 1934 г.

¹⁴³ Укажем главные: R. K a r s t. Nigdy jeszcze taki głośnie rozlegał się w Europie.—*PKul.*, 1953, № 38; брошюра: «Lew Tolstoj». W., 1950, Ср. «Pisarze i książki». Kr., 1953.

¹⁴⁴ Anatol Stern. Wielki Pielgrzym.—*Św.*, 1953, № 38.

¹⁴⁵ *DL*, 1950, № 39.

¹⁴⁶ Włodzimirz Fiszler. Realizm psychologiczny. Dostojewski i Tolstoj.—*Wiż*, 1947, № 12, s. 1073—1077; K. W. Z a w o d z i ń s k i. Lew Tolstoj.—*Wiż*, 1948, № 1—2, s. 73—79.

¹⁴⁷ K. W. Z a w o d z i ń s k i. Czy i dlaczego «Rodzina Połanieckich» jest martwą pozycją w dorobku Sienkiewicza. В кн.: «Stulecie trójcy powieściopisarzy. Studia nad społecznym i artystycznym znaczeniem dzieła Orzeszkowej, Prusa, Sienkiewicza». Łódź—Wr., 1947, s. 87—111.

¹⁴⁸ Zbigniew Barański. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wr., 1962, s. 88—89.

¹⁴⁹ W. B o r o w y. O «Wojnie i pokoju» Tolstoja.—*TP*, 1951, № 51/52; Maria M o r s t i n - G ó r s k a. Tragedia Lwa Tolstoja.—*Znak*, 1951, № 2; Aleksander R o g a l s k i. Śmierć u Tolstoja.—*TP*, 1955, № 44; О н ж е. O Tolstoju. В кн.: «Literatura i cywilizacja. Eseje i studia». W., 1956, s. 231—322; О н ж е. Tolstoj a literatura francuska.—*Kier.*, 1960, № 48.

¹⁵⁰ A. R o g a l s k i. Profile i preteksty. W., 1958, s. 8.

¹⁵¹ Aleksander R o g a l s k i. Rosja—Europa. Wzajemne związki, wpływy i zależności kulturalno-literackie. W., 1960; см. рецензии: Ryszard P r z y b y l s k i. Książka przesyłanie skromna.—«Nowe Książki», 1961, № 10; Marek R u s z c z y c. Niezastąpiona synteza.—«Życie i Myśl», 1961, № 11—12; Tymon T e r l e c k i. Rosja w Europie.—*Kul.*, 1961, № 12; Sergiusz Łarin. Walory i braki pewnej pracy.—«Literatura Radziecka», 1962, № 12.

¹⁵² Stanisław Mackiewicz. Tolstoj w krzywym zwierciadle.—*Wsp.*, 1957, № 7, s. 6.

¹⁵³ St. M a c k i e w i c z. Towarzystwo ochrony zwierząt a ochrona arcydzieł literackich.—*Kier.*, 1957, № 44.

¹⁵⁴ St. M a c k i e w i c z. Tolstoj jako książę Mikołaj Andrejewicz.—*Kier.*, 1957, № 45, s. 9.

¹⁵⁵ St. M a c k i e w i c z. Muchy chodzą po mózgu. Kr., 1957, s. 48.

¹⁵⁶ *Ibid.*, s. 165.

¹⁵⁷ См.: Julian K r z y ż a n o w s k i. Scott in Poland.—«The Slavonic and East European Review», 1933, t. 12, № 34, p. 188—189.

¹⁵⁸ Andrzej W a l i c k i. Lwa Tolstoja poglądy na sztuce w związku z estetyką rewolucyjnych demokratów.—*Materiały do studiów*.... W., 1954, № 1/17, s. 209—254. Автор опирается на архивные материалы и факты, приведенные в работе К. Н. Л о м у н о в а: «Толстой в борьбе против декадентского искусства» в кн. «Л. Н. Толстой. Сборник статей и материалов». М., 1951, стр. 22—97.

¹⁵⁹ O Толстом Валицкий пишет также в кн.: «Osobowość a historia» (W., 1959), в разделе, посвященном «шопенгауэризму» Тургенева, где отмечает интерес автора «Войны и мира» к Шопенгауэру.

¹⁶⁰ «Zeszyty Teoretyczno-Polityczne», 1957, № 12; 1958, № 1—2, № 9—10; № 11—12; 1959, № 1.

¹⁶¹ См. рецензии: А. Г р и г о р ь е в. Изучение русской классической литературы в славянских странах.—*PL*, 1958, № 3; П. Г л и н к и н. Вопросы русской литературы в журнале «Slavia Orientalis». *PL*, 1961, № 3.

¹⁶² *SO*, 1958, № 2.

¹⁶³ *SO*, 1958, № 3—4.

¹⁶⁴ *SO*, 1959, № 1.

¹⁶⁵ а) «Сборник статей и материалов» (М., 1951); б) «Творчество Л. Н. Толстого». Сб. статей. (М., 1954); в) С. Б ы ч к о в. Л. Н. Толстой. Очерк творчества (М., 1954); г) К. Н. Л о м у н о в. Драматургия Л. Н. Толстого (М., 1956) и д) Б. Б у р с о в. У истоков реализма.—«Вопросы литературы», 1960, № 9.—*KIPR*, 1954, № 3; 1955, № 1—2, 4; *SO*, 1958, № 2; 1961, № 2.

¹⁶⁶ *KIPR*, 1954, № 2.

¹⁶⁷ *KIPR*, 1953, № 4; 1954, № 1; *SO*, 1961, № 3.

¹⁶⁸ Zbigniew W a s i l e w s k i. Szlachow i Tolstoj na czele.—*TL*, 1958, № 51—52, s. 4.

¹⁶⁹ Jadwiga K o ł o d z i e j s k a i Włodzimirz K o ł o d z i e j s k i. Książki, które się nam podobają.—*NK*, 1960, № 4.

¹⁷⁰ Mieczysław J a s t r u n. Uciezka Lwa Tolstoja. В сб. его статей: «Mit (ródziemnomorski». W., 1962, s. 53—63. O Толстом упоминает Яструн также в других статьях: см. сб.: «Wizerunki. Szkice literackie». W., 1956, s. 256—257.

В статье «Przeżycie poetyckie», опубликованной в кн.: «Między słowem a milczeniem» (W., 1960), Яструн высказывает интересные мысли об описании Толстым природы.

¹⁷¹ Paweł H e r t z. Domena polska. W., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЕТИТЕЛИ ТОЛСТОГО

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. БЕНЗОН, ЖОРЖА АНРИ БУРДОНА, АНРИ ЛАПОЗА,
ЖЮЛЯ ЛЕГРА, МОРИСА-ДЕНИ РОША И РЕНЕ МАРШАНА

Публикация и перевод Л. Р. Ланского 7

ВЕЛИЗИ ТОЛСТОГО

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ АНДРЕ БОНЬЕ В «TEMPS»

Публикация В. Я. Лакшина 79

ДВА АНГЛИЙСКИХ СОБЕСЕДНИКА

ВОСПОМИНАНИЯ УИЛЬЯМА ТОМАСА СТЭДА И РОБЕРТА ЭДВАРДА
КРОЗЬЕРА ЛОНГА

Публикация и перевод Б. А. Гиленсона 98

ГЛАЗАМИ СЛОВАЦКОГО ДРУГА

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА

Публикация и перевод П. Г. Богатырева 121

ЯПОНСКИЙ ПАЛОМНИК

ВОСПОМИНАНИЯ ТОКУТОМИ РОКА

Публикация А. И. Шифмана 167

ОБЗОРЫ

ТОЛСТОЙ В ГЕРМАНИИ (1856—1910)

Обзор Христианы Штульц (Берлин) 207

ТОЛСТОЙ В ПОЛЬШЕ (1858—1962)

Обзор Баэля Бялкозовича (Варшава) 249

ТОЛСТОЙ В РУМЫНИИ (1885—1960)

Обзор Татьяны Николеску (Бухарест) 297

ТОЛСТОЙ В БОЛГАРИИ

Обзор Велчо Велчева (София) 333

ТОЛСТОЙ В КИТАЕ

Обзор Мао Дуня (Пекин) 343

ТОЛСТОЙ В ЯПОНИИ

Обзор Н. И. Конрада 347

УХОД И СМЕРТЬ ТОЛСТОГО В ОТКЛИКАХ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Обзор Л. Р. Ланского 361

МИР ОТМЕЧАЕТ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Обзор В. З. Горной при участии Ж. Бланкова (Брюссель), Б. Бялокозовича (Варшава), Д. Гришина (Мельбурн), Т. С. Карловой, С. Ко- лафы (Прага), Г. Л. Маньковской, М. Д. Моричевой, Т. Николеску (Бухарест), И. Д. Очака, М. И. Перпер, М. Рев (Будапешт), А. Тобнаша (Будапешт), О. К. Шимко и А. И. Шифмана	461
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	554
ПАМЯТИ Н. К. ГУДЗИЯ	
От редакции «Литературного наследства»	557
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПУТЬ Н. К. ГУДЗИЯ	
Выступление В. В. Виноградова	558
О Н. К. ГУДЗИИ—ЧЕЛОВЕКЕ	
Выступление Д. С. Лихачева	561
УКАЗАТЕЛИ К ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КНИГАМ	
Указатель иллюстраций	
Составила Т. Г. Динесман	565
Указатель упоминаемых произведений Толстого	
Составили Н. Ю. Зеленина и М. И. Перпер	570
Именной указатель	
Составили Н. Ю. Зеленина и М. И. Перпер	583

В КНИГЕ 147 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И 1 ВКЛЕЙКА